

Лидия Чуковская

**ОПУСТЕЛЫЙ
ДОМ**

П О В Е С Т Ь

Лидия Чуковская

ОПУСТЕЛЫЙ ДОМ

П О В Е С Т Ь

Издательство
«ПЯТЬ КОНТИНЕНТОВ»
Париж — 1965

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Лидия Чуковская — дочь известного русского писателя и литературоведа Корнея Чуковского — родилась в 1907 году в Петербурге.

Автор книг: «Декабристы, исследователи Сибири» («Географиз», 1951); «Борис Житков» («Детгиз», 1957); «В лаборатории редактора» («Искусство», 1963), а также статей, печатавшихся в «Литературной Москве» (1956, сб. 2), в «Литературной газете», в «Новом мире» и в «Вопросах литературы».

В 1966 году издательство «Художественная литература» выпускает новую книгу Л. Чуковской «„Былое и думы“ А. И. Герцена», посвященную этому выдающемуся памятнику русской мемуарной литературы и его творцу.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Жизненный материал, положенный в основу повести А. Солженицына, необычен в советской литературе. Он несёт в себе отзвук тех болезненных явлений в нашем развитии, связанных с периодом развенчанного и отвергнутого партией культа личности, которые по времени хотя и отстоят от нас не так уж далеко, представляются нам далёким прошлым. Но прошлое, каким бы оно ни было, никогда не становится безразличным для настоящего».

Такими, полными глубокого смысла словами А. Твардовский начал своё «Вместо предисловия» к повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», вышедшей в 1962 году.

Нам кажется, что эти слова можно отнести полностью и к повести, издаваемой нами, которую написала советская писательница Л. К. Чуковская двадцать пять лет назад.

В своём произведении автор затрагивает жгучие вопросы советской жизни в жуткую эпоху, когда в стране — как свидетельствовали об этом на XXII съезде КПСС выступавшие — царили «грубейшее нарушение социалистической законности, злоупотребление властью, необоснованные репрессии», когда «творился произвол, без суда расстреливали, отправляли в тюрьмы неповинных людей», когда охваченные страхом люди «клеветали друг на друга, не верили, клеветали даже на себя», когда «погибло много наших лучших людей»...

С этой тяжёлой годиной в жизни советского народа мы здесь были знакомы по книгам разных авторов, преимущественно настроенных враждебно к советскому строю, поэтому, читая их, трудно было представить себе эту трагическую действительность в настоящем свете.

Предлагаемая повесть написана автором советским, советским патриотом, проникнутым чувством морального долга — во имя правды оставить для потомства честное, искреннее свидетельство очевидца об этом мрачном периоде, с которым нынешние советские руководители хотят, как видно, покончить навсегда и предпочитают, чтобы как можно меньше напоминалось о нём. По этим соображениям, вероятно, повесть не была до сих пор напечатана в Советском Союзе и едва ли увидит свет в ближайшем будущем.

Именно поэтому мы считаем не лишним издать эту книгу здесь, за границей, и тем самым правдиво показать читателю это тяжёлое прошлое из жизни самоотверженного и многострадального советского народа.

Прочитав эту повесть внимательно, западный читатель должен понять, почему советские люди — не только коммунисты, но и беспартийные — с таким глубоким удовлетворением восприняли обнадёживающие слова из резолюции XXII съезда КПСС: «Партия раскритиковала культ личности, преодолела извращения и ошибки прошлого, настойчиво проводит в жизнь меры, которые полностью исключили бы в будущем возможность повторения подобных ошибок».

И. С. Тургенев по поводу своих «Отцов и детей» высказал такую мысль: «... точно и сильно воспроизвести истину и реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями».

На это счастье, по нашему скромному мнению, имеет полное право Лидия Корнеевна Чуковская.

* * *

В заключение просим автора извинить нас за то, что мы без её ведома выпускаем эту книгу.

ИЗДАТЕЛЬ.

О Т А В Т О Р А

Повесть, предлагаемая вниманию читателей, написана двадцать два года тому назад, в Ленинграде, зимою 1939 — 1940 года. В ней я попыталась запечатлеть события, только что пережитые страной, моими близкими и мною. Не писать я не могла, но и никакой надежды увидеть свою повесть в печати я, разумеется, не питала. Трудно было надеяться даже на то, что школьная тетрадь, куда была мною набело переписана повесть, избегнет уничтожения и сохранится. Держать её в ящике письменного стола было рискованно. Однако и сжечь её у меня не поднималась рука. Я смотрела на неё не столько как на повесть, сколько как на свидетельское показание, уничтожить которое было бы бесчестно.

Началась война. Началась и кончилась ленинградская блокада. Люди, хранившие тетрадь, погибли, но её сохранили. Уехав из Ленинграда за месяц до начала войны, я пережила годы 1941 — 1944 вдалеке от родного города, и только в конце войны моя тетрадь, после долгой разлуки, чудом вернулась ко мне.

Кончилась война. Умер Сталин. Всё чаще и чаще стала приходиться мне на ум надежда, прежде несбыточная, что близится время, когда повесть увидит свет.

После того, как с трибуны XX и XXII партийных съездов были произнесены слова, обновляющие настоящее и разоблачающие чёрные стороны прошедшего, мне более чем когда-либо захотелось, чтобы моя повесть стала достоянием читателей и тем самым послужила делу, которое представляется мне жизненно важным: во имя грядущего, помочь уяснению причин и следствий пережитой народом трагедии.

Не сомневаюсь, что литература ещё не раз обратится к изображению тридцатых годов, и писатели, располагающие гораздо бóльшим количеством фактов, чем каким тогда располагала я, обладающие большей способностью к анализу и обобщению и бóльшим художественным даром, запечатлеют черты эпохи полней и многосторонней. Я же, по мере своих сил, попыталась изобразить лишь то, что наблюдала сама.

Но при всех мыслимых достоинствах будущих повестей и рассказов, написаны они окажутся уже в иную эпоху, отделённую от 1937 года десятилетиями. Моя же повесть писалась по свежему следу только что происшедших событий. В этом её отличие от произведений, которые будут посвящены 1937 — 1938 годам когда бы то ни было. В этом я вижу её право на внимание читателей.

И именно поэтому я не вношу в неё сейчас никаких перемен, опустив только экспозицию, не идущую к делу. Пусть она прозвучит сегодня как голос из прошлого, как рассказ очевидца, добросовестно пытавшегося, вопреки могущественным усилиям лжи, разглядеть и запечатлеть то, что совершалось перед его глазами.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда.

Л. Н. Толстой.

1

После смерти мужа Ольга Петровна поступила на курсы машинописи. Надо было непременно приобрести профессию: ведь Коля ещё не скоро начнёт зарабатывать. Окончив школу, он должен во что бы то ни стало держать экзамен в институт. Фёдор Иванович не допустил бы, чтобы сын остался без высшего образования.

Машинка давалась Ольге Петровне легко; к тому же она была гораздо грамотнее, чем эти современные барышни. Получив высшую квалификацию, она быстро нашла себе службу в одном из крупных ленинградских издательств.

Служебная жизнь всецело захватила Ольгу Петровну. Через месяц она уже понять не могла: как это она раньше жила без службы. Правда, по утрам неприятно было вставать в холоде, при электрическом свете, зябко было ожидать трамвая в толпе невыспавшихся, мрачных людей; правда, от стука машинок к концу служебного дня у неё

начинала болеть голова — но зато как увлекательно, как интересно оказалось служить! Девочкой она очень любила ходить в гимназию и плакала, когда её из-за насморка оставляли дома, а теперь она полюбила ходить на службу.

Заметив её аккуратность и сдержанность, её быстро назначили старшей машинисткой — как бы заведующей машинописным бюро. Распределять работу, подсчитывать страницы и строчки, скалывать листы — всё это нравилось Ольге Петровне гораздо больше, чем самой писать на машинке. На стук в деревянное окошко она отворяла его и с достоинством, без лишних слов, принимала бумаги. По большей части это были счета, планы, отчёты, официальные письма и приказы, но иногда рукопись какого-нибудь современного писателя.

— Будет готово через двадцать пять минут, — говорила Ольга Петровна, взглянув на большие часы. — Ровно.

А если кто пробовал возразить, что ему спешно, прерывала на полуслове:

— Нет, ровно через двадцать пять, не раньше! — и захлопывала окошко, не пускаясь в разговоры.

Подумав, она давала бумагу той машинистке, которую считала наиболее подходящей для данной работы, — если бумагу приносила секретарша директора, то самой быстрой, самой грамотной и аккуратной.

В молодости, скучая, бывало, в те дни, когда Фёдор Иванович — врач с большой практикой — надолго уходил с визитами к больным, она мечтала о собственной швейной мастерской: в большой, светлой комнате сидят

миловидные девушки, наклоняясь над ниспадающими волнами шёлка, а она показывает им фасоны и во время примерки занимает светской беседой элегантных дам.

Машинописное бюро было, пожалуй, ещё лучше: как-то значительнее. Ольге Петровне зачастую теперь приходилось первой, ещё в рукописи, прочесть какое-нибудь новое произведение советской литературы — повесть или роман — и хотя советские романы и повести казались ей скучными, потому что в них много говорилось о боях, о тракторах, о заводских цехах и очень мало о любви — она всё-таки бывала польщена.

Она стала завивать свои рано поседевшие волосы и во время мытья добавляла в воду немного синьки, чтобы они не желтели. В чёрном простом халатике — но зато в воротничке из старых настоящих кружев — с остроочиненным карандашом в верхнем кармане, она чувствовала себя деловитой, солидной и в то же время изящной.

Машинистки побаивались её и за глаза называли классной дамой. Но слушались. И она хотела быть строгой, но справедливой. Она приветливо беседовала в перерыве с теми из них, которые писали старательно и грамотно, толковала о трудностях директорского почерка и о том, что красить губы вовсе не всем идёт, — а с теми, кто писал «репитиция» и «коликтив», держала себя свысока.

Одна из машинисток, Зоя Викторовна, сильно действовала Ольге Петровне на нервы: ошибки чуть ли не в каждом слове, нахально курит и болтает во время работы. Она смутно напоминала Ольге Петровне одну наглую горничную, служившую у них когда-то в старое время. Горничную звали Фани, она грубила Ольге Петровне и

заигрывала с Фёдором Ивановичем... И за что только такую держат?!

Больше всех машинисток в бюро нравилась Ольге Петровне Наташа Фроленко, скромная, некрасивая девушка с зеленовато-серым лицом. Она всегда писала без единой ошибки, поля и красные строки получались у неё удивительно изящно. Глядя на её работу, казалось, будто она и на бумаге какой-то особенной написана, и машинка, наверное, лучше, чем другие машинки. Но в действительности и бумага и машинка были у Наташи самые обыкновенные, а весь секрет — подумать только! — заключался в одной аккуратности.

Машинописное бюро было отделено от всего учреждения дверью, с проделанным в ней окошком, затворявшимся деревянной форточкой, крытой коричневым лаком. Дверь была постоянно заперта на ключ, и разговоры велись через форточку.

В первое время Ольга Петровна никого в издательстве не знала, кроме своих машинисток, да ещё курьерши, разносившей бумаги. Но постепенно перознакомилась со всеми.

Миновали какие-нибудь две недели, и в коридоре к ней уже подходил поболтать солидный, лысый, но молодой бухгалтер: он узнал Ольгу Петровну — когда-то, лет двадцать назад, Фёдор Иванович очень успешно лечил его. Бухгалтер увлекался лодочным спортом и западноевропейскими танцами — и Ольге Петровне было приятно, что он и ей посоветовал записаться в их танцевальный кружок.

С ней начала здороваться пожилая и вежливая секретарша директора, ей кланялся и заведующий отделом кадров, а также один известный писатель, красивый, седой, в бобровой шапке и с монограммой на портфеле, всегда приезжавший в издательство на собственной машине.

Писатель даже спросил у неё однажды, как ей понравилась последняя глава его романа. «Мы, литераторы, давно заметили, что машинистки — самые справедливые судьи. Право, — сказал он, показывая в улыбке ровные вставные зубы, — они судят непосредственно, они не одержимы предвзятыми идеями, как товарищи критики или редакторы».

Познакомилась Ольга Петровна и с парторгом Тимофеевым, хромым, небритым человеком. Он был хмур, говорил глядя в пол, и Ольга Петровна слегка побаивалась его. Изредка он подзывал к окошку Зою Викторовну, — с ним приходил завхоз, — Ольга Петровна отпирала дверь, и завхоз перетаскивал машинку Зои Викторовны из машинописного бюро в спецчасть. Зоя Викторовна следовала за своей машинкой с победоносным видом: как объяснили Ольге Петровне, она была «засекречена», и парторг вызывал её в спецчасть переписывать секретные партийные бумаги.

Вскоре Ольга Петровна знала уже всех в издательстве — и по фамилиям, и по должности, и в лицо: счетоводов, редакторов, техредов, курьерш.

В конце первого месяца своей службы она впервые увидела директора. В директорском кабинете лежал пушистый ковёр, вокруг стола стояли глубокие мягкие кресла,

а на столе — целых три телефона. Директор оказался молодым человеком, лет тридцати пяти не больше, хорошего роста, тщательно выбритым, в изящном сером костюме, с тремя значками на груди и с вечным пером в руке. Он беседовал с Ольгой Петровной какие-нибудь две минуты, но за эти две минуты трижды звонил телефон, и он говорил в один, сняв трубку с другого. Директор сам пододвинул ей кресло и вежливо спросил, не будет ли она так добра остаться сегодня вечером для сверхурочной работы? Она может пригласить машинистку по своему выбору и продиктовать ей доклад. «Я слышал, вы прекрасно разбираете мой варварский почерк», — сказал он ей и улыбнулся.

Ольга Петровна вышла из кабинета гордая его властью, польщённая его доверием. Воспитанный молодой человек. Про него рассказывают, будто он рабочий, выдвиженец, — и действительно, руки у него, кажется, грубые, — но в остальном...

Первое общее собрание служащих издательства, на котором довелось присутствовать Ольге Петровне, показалось ей скучным. Директор произнёс коротенькую речь о приходе к власти фашистов, о поджоге рейхстага в Германии и уехал на своём форде. После него выступал парторг, товарищ Тимофеев. Между двумя фразами он умолкал так надолго, что, казалось, он никогда не заговорит снова. Потом выступила председательница месткома, полная дама с камеей на груди. Потирая и поламывая свои длинные пальцы, она сказала, что ввиду всего происшедшего в первую очередь необходимо уплотнить

рабочий день и объявить беспощадную войну опозданиям. Напоследок, истерическим голосом она сделала краткое сообщение о Тельмане и предложила всем служащим записаться в МОПР. Ольга Петровна плохо понимала о чём речь, ей было скучно и хотелось уйти, но она боялась, что это не полагается, и строго взглянула на одну машинистку, пробиравшуюся к дверям.

Однако скоро и собрания перестали быть скучными для Ольги Петровны. На одном из них, директор, докладывая о выполнении плана, говорил, что высокие производственные показатели, которых необходимо добиться, зависят от сознательной трудовой дисциплины каждого из членов коллектива — не только от сознательности редакторов и авторов, но и уборщицы, и курьерши, и каждой машинистки. «Впрочем, — сказал он, — надо признать, что машинописное бюро под руководством товарища Липатовой работает и в настоящий момент с исключительной чёткостью».

Ольга Петровна покраснела и долго не решалась поднять глаз. Когда она решилась, наконец, посмотреть кругом, все люди показались ей удивительно добрыми и красивыми, и с неожиданным интересом она прослушала цифры.

Всё свободное время Ольга Петровна проводила теперь с Наташей Фроленко.

А свободного времени становилось у неё меньше и меньше. Сверхурочная работа, а чаще того — заседания месткома, куда вскоре кооптировали Ольгу Петровну, отнимали у неё чуть ли не все вечера. Коля всё чаще должен был сам разогревать себе обед и в шутку называл Ольгу Петровну «мама-общественница».

Местком поручил ей собирать профсоюзные взносы. Ольга Петровна мало задумывалась над тем, для чего, собственно, существует профсоюз, но ей нравилось разлиновывать листы бумаги и отмечать в отдельных графах, кто заплатил уже за нынешний месяц, а кто нет, нравилось наклеивать марки, сдавать безупречные отчёты ревизионной комиссии. Ей нравилось, что можно в любую минуту войти в торжественный кабинет директора и шутливо

напомнить ему о его четырёхмесячном долге, и он шутиливо извинится перед терпеливыми товарищами из месткома, вынет бумажник и заплатит. Даже хмурому парторгу можно было безо всякого риска напомнить о долгах.

В конце первого года службы в жизни Ольги Петровны произошло торжественное событие. Она выступила на общем собрании служащих от имени всех беспартийных работников издательства.

Получилось это так. В издательстве ждали приезда каких-то ответственных московских товарищей. Завхоз, лихой паренёк с пронзительным пробором, целыми днями носился по издательству, на собственной спине таскал какие-то рамы и в самое неподходящее время напустил на машинописное бюро полотёров. В эту горячую пору в коридоре к Ольге Петровне подошёл хмурый парторг. «Партийная организация, совместно с месткомом, — сказал он, глядя по обыкновению в пол, — наметила тебя... — он поправился — вас... давать обещание от имени беспартийных активистов».

Работы накануне приезда москвичей стало множество. Бюро писало всё какие-то отчёты и планы. Чуть ли не каждый вечер Ольга Петровна с Наташей оставались на сверхурочную работу. Машинки глухо стучали в пустой комнате. Кругом, в коридорах и кабинетах, было темно.

Ольга Петровна любила эти вечера. Окончив работу, перед тем как из светлой комнаты выйти во тьму коридора, они с Наташей подолгу беседовали возле своих машинок. Наташа говорила мало, но прекрасно умела слушать.

— Вы заметили, что у Анны Григорьевны (это была

предместкома) всегда грязные ногти? — спрашивала Ольга Петровна. — А ещё носит камео, завивается. Лучше бы руки почище мыла... Зоя Викторовна ужасно действует мне на нервы. Она такая наглая... И вы заметили, Наташа, что Анна Григорьевна всегда как-то пронически отзывается о парторге? Не любит она его...

Поговорив о предместкома и парторге, Ольга Петровна рассказывала Наташе о своём романе с Фёдором Ивановичем и о том, как Коля упал под корыто, когда ему было полгода. И какой это был хорошенький мальчик, на улице все оборачивались. Его одевали во всё белое: белая пелеринка и белый капор...

Наташе как-то не о чем было рассказывать — ни одного романа. «Впрочем, с таким цветом лица...» — думала Ольга Петровна. В жизни Наташи были одни неприятности. Отец её, полковник, умер в семнадцатом году от разрыва сердца, — Наташе тогда едва исполнилось пять лет. Дом у них отняли, и они вынуждены были переехать к какой-то парализованной родственнице. Мать её была избалованная, беспомощная женщина, они жестоко голодали, и Наташа чуть ли не с пятнадцати лет поступила на службу. Теперь Наташа осталась совсем одна: мать в позапрошлом году умерла от туберкулёза, родственница скончалась от старости. Наташа сочувствовала советской власти, но когда она подала заявление в комсомол — её не приняли.

— Мой отец был полковник и домовладелец и, понимаете, мне не верят, что я могу сочувствовать искренно, — говорила Наташа, щурясь. — С марксистской точки зрения, может быть, это и правильно.

У неё краснели веки каждый раз, когда она рассказывала об этом отказе, и Ольга Петровна поспешно переводила разговор на другое.

Наступил торжественный день. Портреты Ленина и Сталина вставили в новые рамы, собственноручно принесённые завхозом, письменный стол директора покрыли красным сукном. Московские гости — двое полных мужчин в заграничных костюмах, в заграничных галстуках и с заграничными вечными перьями в верхних карманах — сидели рядом с директором за столом под портретами и вынимали бумаги из туго набитых заграничных портфелей. Парторг в косовороточке и пиджачке казался рядом с ними совсем невзрачным. Лихой завхоз и лифтёрша Марья Карповна то и дело вносили на подносах чай, бутерброды и фрукты, предлагали их гостям и директору, а затем уже и всем остальным.

От волнения Ольга Петровна не в силах была слушать речи. Как заворожённая смотрела она, не отрывая глаз, на колеблющуюся воду графина. По слову председателя она подошла к столу, повернулась сперва лицом к директору и гостям, потом ко всем присутствующим и, наконец, стала боком и сложила руки у пояса, как её учили в детстве, когда она декламировала французские поздравительные стихи.

— От имени беспартийных работников... — начала она дрожащим голосом, и продолжала дальше всё своё обещание о повышении производительности труда, всё, что они составили вместе с Наташей и она выучила наизусть.

Вернувшись домой, она долго не ложилась спать, поджидая Колю, чтобы рассказать ему о собрании. Коля сдавал последние школьные зачёты и все вечера проводил у своего любимого товарища, Алика Финкельштейна: они занимались вместе.

Ольга Петровна прибрала кое-что в комнате и вышла в кухню разжигать примус.

— Какая жалость, что вы не служите, — сказала она сожительнице по квартире, добродушной жене милиционера, которая мыла посуду. — Столько впечатлений, это так много даёт в жизни. Особенно, если ваша служба имеет касательство к литературе.

Наконец Коля явился, голодный и промокший под первым весенним дождём, и Ольга Петровна поставила перед ним тарелку щей. Облокотясь на стол против Коли и глядя как он ест, она только что собралась рассказать ему про своё выступление, как он опередил её:

— Знаешь, мама, — сказал он с гордостью, — я теперь комсомолец, меня сегодня утвердили на бюро.

Сообщив эту новость, он без передышки перешёл к другой, набивая полный рот хлебом, — в школе у них случился скандал:

— Пашка Гусев — этаким старорежимным балбес...

— Коля, я не люблю, когда ты грубо выражаешься, — перебила Ольга Петровна.

— Да не в этом дело: Пашка Гусев обозвал Алика Финкельштейна жидом. Мы сегодня на ячейке постановили устроить показательный товарищеский суд. Знаешь, кого назначили общественным обвинителем? Меня!

Поужинав, Коля сразу лёг спать, и Ольга Петровна

тоже улеглась за своей ширмой, и в темноте Коля читал ей наизусть Маяковского.

— Правда, мама, гениально?..

И когда он кончил, Ольга Петровна рассказала ему о собрании.

— Ты, мама, молодец, — сказал Коля и сейчас же уснул.

3

Коля окончил школу, наступило душное лето, а Ольге Петровне всё не давали отпуска. Дали только в конце июля. Ехать она никуда не собиралась, но весь июль жадно мечтала о том, как будет по утрам отсыпаться и как переделает, наконец, всю домашнюю работу, которую из-за службы никогда не успевала сделать. Она мечтала отдохнуть от барабанной дроби машинок, и позвать маляра, чтобы выкрасить заново дверь, и подыскать Коле демисезонное пальто, и зачинить ему носки, и обязательно съездить к мужу на кладбище.

Но вот отпуск наступил, и оказалось, что отдыхать приятно только в первый день. Ольга Петровна, по служебной привычке, всё равно просыпалась не позже восьми; маляр за полчаса выкрасил дверь; пальто куплено сразу; носки заштопаны в два вечера; могила Фёдора Ивановича была в полном порядке... И потянулись длинные, пустые дни, с тиканьем часов, разговорами на кухне и ожиданием Коли к обеду.

Коля теперь целыми днями пропадал в библиотеке: готовился вместе с Аликом в вуз, в машиностроительный институт, и Ольга Петровна почти не видела его. Изредка наведывалась усталая Наташа Фроленко (она замещала Ольгу Петровну в бюро), Ольга Петровна с жадностью расспрашивала её про секретаршу директора, про ссору предместкома с парторгом, про орфографические ошибки Зои Викторовны. И про обсуждение в кабинете у директора романа того симпатичного писателя. Весь редакционный сектор собрался... «Неужели кому-нибудь может не понравиться? — всплёскивала руками Ольга Петровна. — Там ведь так красиво описана первая чистая любовь. Совсем как у нас с Фёдором Ивановичем».

Теперь уже Ольга Петровна и понять не могла, как это она свою жизнь прожила без службы. Она вполне соглашалась с Колей, когда он толковал ей о необходимости для женщин общественно полезного труда. Да и всё, что говорил Коля, всё, что писали в газетах, казалось ей теперь вполне естественным, будто так и писали и говорили всегда.

Вот только о бывшей квартире своей, теперь, когда Коля вырос, Ольга Петровна сильно жалела. Их уплотнили ещё во время голода, в самом начале революции. В бывшем кабинете Фёдора Ивановича поселили семью милиционера Дорошко, в столовой семью бухгалтера, а Ольге Петровне с Колей оставили Колину бывшую детскую. Теперь Коля вырос, и ему необходима отдельная комната, ведь он уже не ребёнок...

— Но, мама, разве это справедливо, чтобы Дорошко со своими детьми жил в подвале? А мы в хорошей квар-

тире? Разве это справедливо? Скажи! — строго спрашивал Коля, объясняя Ольге Петровне революционный смысл уплотнения буржуазных квартир.

И Ольга Петровна вынуждена была согласиться с ним: это и в самом деле не вполне справедливо. Жаль только, что жена милиционера такая грязнуха: даже в коридоре слышен кислый запах из её комнаты. Форточку открывать боится как огня. И близнецам её уже шестнадцатый год пошёл, а они всё ещё пишут с ошибками.

В потере квартиры Ольгу Петровну утешало новое звание: жильцы единогласно выбрали её квартуполномоченной. Она стала как бы хозяйкой, как бы заведующей своей собственной квартирой. Она мягко, но настойчиво делала замечания жене бухгалтера насчёт сундуков, стоящих в коридоре. Она высчитывала, сколько с кого причитается платы за электроэнергию с той же аккуратностью, с какой на службе собирала членские профсоюзные взносы. Она регулярно ходила на собрания квартуполномоченных в жакте и потом подробно докладывала жильцам, что говорил управдом.

Отношения с жильцами были у неё в общем хорошие. Если жена милиционера варила варенье, то всегда вызывала Ольгу Петровну в кухню попробовать: довольно ли сахару? Она часто заходила и в комнату к Ольге Петровне — посоветоваться с Колей: что бы такое придумать, чтобы близнецы, не дай Бог, снова не остались на второй год? И посудачить с Ольгой Петровной о жене бухгалтера — медицинской сестре:

— Этакой медицинской сестрице попадись только в

руки, она тебя враз на тот свет отправит! — решительно утверждала жена милиционера.

Сам бухгалтер был уже пожилой человек, с обвислыми щеками, с синими жилками на руках и на носу. Он был запуган женою и дочерью, и его совсем не было слышно в квартире. Зато дочка бухгалтера, рыжая Валя, сильно смущала Ольгу Петровну непочтительными фразочками по адресу своей матери: «а я ей как дам!», «а мне наплевать!» Впрочем, у Валиной матери был и в самом деле ужасный характер. Стоя с неподвижным лицом возле своего примуса, она методически пилила жену милиционера за коптящую керосинку или кротких близнецов за то, что они, вернувшись ночью последними, не заперли дверь на крюк.

Она была из дворянок, прыскала в коридоре одеколоном из пульверизатора, носила на цепочке брелоки и разговаривала тихим голосом, еле-еле шевеля губами, но слова употребляла удивительно грубые.

В дни получки Валя начинала кланчить у матери денег на новые туфли... «И не воображай себе, кобыла», — ровным голосом говорила ей мать, и Ольга Петровна, чтобы не слышать продолжения, поспешно скрывалась в ванную комнату, куда вскоре вбегала Валя отмывать свою задухшую зарёванную физиономию, изливая в раковину все те ругательства, которые она не посмела бросить в лицо матери.

Но в общем, квартира 46 была благополучной, тихой квартирой — не то, что 52, над нею, где чуть ли не каждую шестидневку, накануне выходного, случались настоящие побоища. Сонного после дежурства Дорошко вместе с

дворником и управдомом регулярно вызывали туда составлять протокол.

Отпуск тянулся, тянулся — между кухней и комнатой — и кончился к большой радости Ольги Петровны. Зачастили дожди, жёлтые листья валялись возле Летнего сада, вдавленные в грязь каблуками, — и Ольга Петровна, в калошах и с зонтиком, уже снова ежедневно ходила на службу, ждала по утрам трамвая и ровно в десять часов, облегчённо вздохнув, вешала на доску свой номерок.

Снова вокруг неё стучали и звенели машинки, шелестела бумага, щёлкала, открываясь и закрываясь форточка; Ольга Петровна с достоинством вручала секретарше директора аккуратно сложенные, сколотые, пахнущие копиркой листы. Она клеивала марки в членские профсоюзные книжки, заседала в месткоме по вопросам укрепления трудовой дисциплины или какого-нибудь некорректного поступка одной машинистки с одной курьершей. Она по-прежнему побаивалась хмурого парторга, товарища Тимофеева, по-прежнему не любила председательницу месткома с грязными ногтями, втайне обожала директора и завидовала его секретарше — но все они уже были для неё своими, привычными людьми, она чувствовала себя на месте, уверенно, и уже не стесняясь, громко делала замечания наглой Зое Викторовне. И за что только её держат? Нужно будет поставить вопрос на месткоме.

Коля и Алик выдержали экзамены в машиностроительный институт. Прочтя свои фамилии в списке принятых, они, на радостях, решили поставить в комнате радиоприёмник. Ольга Петровна не любила, когда Коля и Алик сооружали

что-нибудь техническое у неё в комнате, но она сильно надеялась, что радио обойдётся ей всё же дешевле, чем недавнишний буер. Окончив школу, Коля затеял построить буер, чтобы зимою кататься на собственном буере по Финскому заливу. Он приобрёл какую-то книжку о буере, раздобыл брёвен, внёс их вместе с Аликом в комнату — и не то, что подметать пол, но и просто передвигаться по комнате сразу сделалось невозможно. Брёвна оттеснили обеденный стол к стене, диван к окну; они лежали на полу огромной пирамидой, и Ольга Петровна по сто раз в день спотыкалась о них. Однако все мольбы её были тщетны. Напрасно объясняла она Коле и Алику, что жить ей стало так же неудобно, как если бы они привели в дом слона. Они строгажи, измеряли, чертили, пилили до тех пор, пока не убедились с абсолютной ясностью, что автор брошюры о буере невежда, и буера по его чертежам не построишь.

Тогда они распилили брёвна и покорно сожгли их в печке вместе с брошюрой. А Ольга Петровна расставила вещи по местам и целую неделю нарадоваться не могла простору и чистоте своей комнаты.

Поначалу радио тоже приносило Ольге Петровне одни огорчения. Коля и Алик завалили всю комнату проволокой, винтиками, болтиками, дощечками; до двух часов ночи ежевечерне спорили о преимуществах того или другого типа приёмника; потом соорудили приёмник, но не давали Ольге Петровне ничего дослушать до конца, так как им хотелось поймать то Норвегию, то Англию; потом ими овладела страсть к усовершенствованию, и

каждый вечер они пускались перестраивать приёмник заново. Наконец Ольга Петровна взяла дело в свои руки, и тогда оказалось, что радио действительно очень приятное изобретение. Она научилась сама включать и выключать его, запретила Коле и Алику к нему притрагиваться и по вечерам слушала оперные передачи или концерт из Филармонии.

Наташа Фроленко тоже приходила послушать. Она брала с собой своё вышивание и садилась возле стола. У неё были умелые руки, она прекрасно вязала, шила, вышивала салфеточки, воротнички. Вся её комната была уже сплошь увешана вышивками, и она принялась вышивать скатерть для Ольги Петровны.

По выходным дням Ольга Петровна включала радио с самого утра: ей нравился важный, уверенный голос, повествующий о том, что в парфюмерный магазин № 4 привезли большую партию духов и одеколона, или о том, что на днях состоится премьера новой оперетты. Она не могла удержаться и на всякий случай записывала все телефоны. Единственное, чем она не интересовалась совсем — это были последние известия о международном положении. Коля усердно рассказывал ей про немецких фашистов, про Муссолини, про Чан Кай-ши — она слушала, но только из деликатности. Усевшись на диван, чтобы прочесть газету, она прочитывала только происшествия и маленький фельетон или «В суде», а на передовой или телеграммах неизменно засыпала, и газета падала ей на лицо. Гораздо больше газет нравились ей переводные романы, которые Наташа брала в библиотеке: «Зелёная шляпа» или «Сердца трёх».

Восьмое марта стало радостным днём в жизни Ольги Петровны. Утром курьерша из издательства принесла ей корзину цветов. В цветах лежала карточка:

*«Беспартийной труженице, Ольге Петровне Липатовой,
поздравление в день 8-го Марта.*

Парторганизация и местком».

Она поставила цветы на Колин письменный стол, под полку с собранием сочинений Ленина, рядом с маленьким бюстом Сталина. Весь день у неё было тепло на душе. Она решила не выбрасывать этих цветов, когда они завянут, а непременно засушить их и спрятать в книгу на память.

Шёл третий год служебной жизни Ольги Петровны. Ей повысили ставку, теперь она получала уже не двести пятьдесят, а триста семьдесят пять рублей. Коля и Алик ещё учились, но уже недурно зарабатывали в каком-то конструкторском бюро: чертили. Ко дню рождения Ольги Петровны Коля купил ей на собственные деньги маленький сервиз: чайник, молочник, сахарницу и три чашки. Фарфор был тонкий, хороший, но узор на сервизе не очень-то понравился Ольге Петровне — какие-то квадраты, красный на жёлтом. Она предпочла бы цветы... Ну да не всё ли равно? Это подарок от сына.

А сын стал красивый, сероглазый, чернобровый, высокий и такой уверенный, спокойный, весёлый, каким даже в самые лучшие годы не бывал Фёдор Иванович. Всегда он как-то по-военному подтянут, чистоплотен и бодр. Ольга Петровна смотрела на него с нежностью и беспрестанной тревогой, радуясь и боясь радоваться. Красавец

собою, здоровяк, не пьёт и не курит, почтительный сын и честный комсомолец. Алик, конечно, тоже юноша вежливый, работающий, но где ему до Коли! Отец его — переплётчик в Виннице, куча ребят, бедность. Алик с малых лет живёт в Ленинграде у тётки, а та, видно, не очень-то заботится о нём: локти заплатанные, сапоги худые. Сам он щупленький, невысокий. Да и ума в нём такого большого нет, как в Коле.

Одна мысль непрестанно тревожила Ольгу Петровну: Коле пошёл уже двадцать первый год, а у него всё ещё нет отдельной комнаты. Уж не мешает ли она своим постоянным присутствием Колиной жизни? Коля, кажется, там в институте влюбился в кого-то: она искусно допрашивала Алика — в кого? как её зовут? сколько ей лет? хорошо ли она учится? кто её родители? Но Алик отвечал уклончиво, и по глазам его видно было, что тайны он не выдаст. Ольга Петровна выпытала у него только имя: Лиля. Но всё равно, как бы её там ни звали, и серьёзная это любовь или только увлечение — всё равно молодому человеку в его годы необходима отдельная комната.

Ольга Петровна поделилась своими тревожными мыслями с Наташей. Наташа молча выслушала её, потом покраснела и сказала, что да... безусловно... конечно... Николаю Фёдоровичу лучше было бы в отдельной комнате... но впрочем... вот живёт же она одна... без матери... и что же? ничего!..

Наташа сбилась и замолчала, и Ольга Петровна так и не поняла, что, собственно, она хотела сказать.

Ольга Петровна обдумывала со всех сторон, как бы ей

обменять одну комнату на две, и начала даже откладывать деньги на книжку, чтобы приплатить, если понадобится.

Но вопрос об отдельной комнате для Коли неожиданно потерял свою остроту: отличников учёбы, Николая Липатова и Александра Финкельштейна, по какой-то там развёрстке направляли в Свердловск, на Уралмаш, мастерами. Там не хватало итээровцев. Институт же им представлял возможность закончить заочно.

— Ты не беспокойся, мама, — сказал Коля, положив свою большую руку на маленькую ручку Ольги Петровны, — ты не беспокойся, мы там с Аликом прекрасно заживём... Нам обещают комнату в общежитии... да Свердловск ведь не далеко. Ты приедешь к нам как-нибудь... и... знаешь что? ты будешь нам посылки посылать.

С этого дня, возвращаясь со службы, Ольга Петровна сразу же принималась пересчитывать Колино бельё в комоде, шить, штопать, отглаживать. Она отдала починить старый чемодан Фёдора Ивановича. Теперь уже то весеннее утро, когда они вместе с Фёдором Ивановичем купили этот чемодан в магазине Гвардейского общества, казалось бесконечно далёким и каким-то ненастоящим утром из какой-то ненастоящей жизни. Она с недоумением взглянула на лист «Нивы», которым была склеена повреждённая стенка чемодана: декольтированная дама с длинным шлейфом, с высокой причёской, поразила её. Это тогда были такие моды.

Колин отъезд беспокоил и огорчал Ольгу Петровну, но она не могла налюбоваться на ловкость и аккуратность, с какой он упаковывал книги и большие блокноты, испи-

санные его отчётливым почерком, и сам зашил в пояс свой комсомольский билет.

День отъезда всё был через неделю и вдруг оказался завтра.

— Коля, ты уже готов, Коля, что? — спросил Алик, входя утром к ним в комнату. Новая куртка топорщилась у него на спине, кончики воротничка загибались.

Коля большими шагами подошёл к своему чемодану и поднял его так легко, будто он был пустой. Всю дорогу на вокзал он чуть ли не размахивал чемоданом, а бедный Алик еле волочил свой сундучок, отдуваясь и рукавом куртки отирая со лба пот. Маленький, коротконогий, большеголовый, с торчащими ушами, он казался Ольге Петровне похожим на комический персонаж мультипликационного фильма. Тётка Алика не потрудилась, разумеется, приехать на вокзал проводить его, и они втроём — Коля, Ольга Петровна и Алик — чинно прохаживались по платформе в сырой мгле вокзала.

Коля и Алик с азартом обсуждали вопрос: какая машина выносливее и легче — «фиат» или «паккард»? И только за пять минут до отхода поезда Ольга Петровна вспомнила, что она ничего не сказала мальчикам ни о ворах в дороге, ни о прачке. Сдавая бельё прачке, надо непременно считать его и записывать... И ни под каким видом не есть в столовых винегрета: он часто бывает вчерашний, несвежий — и легко можно заболеть брюшным тифом. Она отвела Алика в сторону и вцепилась ему в плечо:

— Алик, голубчик, — умоляла она, — уж вы позаботьтесь, голубчик, о Коле...

Алик смотрел на неё через стёкла очков большими добрыми глазами.

— Разве мне трудно? Я, конечно, буду приглядывать за Николаем. А что же?

Пора была в вагон. Коля и Алик через минуту появились у окна. Коля — высокий, Алик ему по плечо. Коля сказал что-то Ольге Петровне, но сквозь стекло было не слышно. Он рассмеялся, снял кепку и обвёл купе возбуждённым, весёлым взглядом. Алик показывал Ольге Петровне буквы пальцами. «Не»... разобрала она и замахала на него рукой, догадавшись: «Не беспокойтесь»... Боже мой, ведь совсем дети едут!

Через минуту она шла по перрону назад, одна в толпе людей, всё быстрее и быстрее, не замечая дороги и пальцами вытирая глаза.

5

После Колиного отъезда Ольга Петровна ещё меньше времени проводила дома. Сверхурочной работы в бюро всегда было вдоволь, и она чуть ли не каждый вечер оставалась работать, прикапливая деньги Коле на костюм: молодой инженер должен одеваться прилично.

В свободные вечера она приводила к себе Наташу пить чай. Они вместе заходили в «Гастроном» на углу и выбирали себе два пирожных. Ольга Петровна заваривала чай в чайнике с квадратами и включала радио. Наташа брала своё вышивание. В последнее время, по совету Ольги Петровны, она усердно пила пивные дрожжи, но цвет лица у неё не становился лучше.

В один из таких вечеров, уходя домой от Ольги Петровны, Наташа вдруг попросила подарить ей Колину последнюю карточку.

— А то у меня в комнате только мамина карточка и больше ничья, — объяснила она.

Ольга Петровна подарила ей Колю, красивого, глазастого, в галстук и воротничке. Фотограф удивительно схватил его улыбку.

Однажды, возвращаясь с работы, они зашли в кино — и с тех пор кино сделалось их любимым развлечением. Им обоим сильно нравились фильмы о лётчиках и пограничниках. Белозубые лётчики, совершавшие подвиги, казались Ольге Петровне похожими на Колю. Ей нравились новые песни, зазвучавшие с экранов, — особенно «Спасибо, сердце...» и «Когда страна быть прикажет героем...» — нравилось слово «Родина». От этого слова, написанного с большой буквы, у неё становилось сладко и торжественно на душе. А когда самый лучший лётчик или самый мужественный пограничник падал навзничь, сражённый пулей врага, — Ольга Петровна хватала Наташину руку, как в дни молодости хватала руку Фёдора Ивановича, когда Вера Холодная внезапно вытаскивала маленький дамский револьвер из широкой муфты и, медленно его поднимая, целила в лоб подлецу.

Наташа снова подала заявление в комсомол, и её снова не приняли. Ольга Петровна очень сочувствовала Наташиному горю: бедная девушка так нуждалась в обществе... Да и почему, собственно, её не принимают? Девушка трудящаяся и вполне предана советской власти. Работает прекрасно, прямо таки лучше всех — это раз. Политически грамотная — это два. Она не то, что Ольга Петровна, она дня не пропустит, чтобы не прочитать «Правду» от слова до слова. Наташа во всём разбирается

не хуже Коли и Алика и в международном положении, и в стройках пятилетки.

А как она волновалась, когда льды раздавили «Челюскина», от радио не отходила. Из всех газет вырезывала фотографии капитана Воронина, лагеря Шмидта, потом лётчиков. Когда сообщили о первых спасённых, она заплакала у себя за машинкой, слёзы капали на бумагу, от счастья она испортила два листа. «Не дадут, не дадут погибнуть людям», — повторяла она, вытирая слёзы. Такая искренняя, сердечная девушка. И вот теперь её опять не приняли в комсомол. Это несправедливо.

Ольга Петровна даже Коле написала о несправедливости, постигшей Наташу. Но Коля ответил, что несправедливость — понятие классовое, и бдительность необходима. Всё-таки Наташа из буржуазно-помещичьей семьи. Подлые фашистские наймиты, убившие товарища Кирова, не выкорчеваны ещё по всей стране. Классовые бои продолжаются и потому, при приёме в партию и в комсомол, необходим строжайший отбор. Тут же он писал, что через несколько лет Наташу, наверное, примут, и сильно советовал ей конспектировать произведения Ленина, Сталина, Маркса, Энгельса.

— Через несколько лет... — горько улыбнулась Наташа. — Николай Фёдорович забывает, что мне уже скоро двадцать четыре.

— Тогда вас примут прямо в партию, — сказала ей Ольга Петровна в утешение. — И что такое двадцать четыре года! Первая молодость.

Наташа ничего не ответила, но, уходя домой в этот вечер, взяла у Ольги Петровны том Колиного Ленина.

Письма от Коли получались регулярно раз в шестидневку, накануне выходного дня. Какой он прекрасный сын — не забывает, что мама беспокоится, а мало ли у него там дела! Возвращаясь со службы домой, Ольга Петровна ещё на лестнице, в самом низу, доставала из сумочки ключик, шла по лестнице быстро и, добежав, наконец, до четвёртого этажа, задыхаясь, отворяла голубой почтовый ящик. Письмо в жёлтом конверте уже ждало её. Не снимая пальто, она садилась у окна и расправляла аккуратно сложенные листки блокнота.

«Здравствуй, мама!» — начиналось каждое письмо. — *«Надеюсь, что ты здорова. Я тоже здоров. Выработка на нашем заводе за последнюю шестидневку достигла...»*

Письма были длинные, но всё больше о заводе, о росте стахановского движения, а о себе, о своей жизни — ни слова.

«Ты подумай только, — писал Коля в первом письме, — и червячные, и фрезы, и даже броши — всё у нас ещё заграничное, за всё золотом расплачиваемся с капиталистами, а сами никак не можем освоить».

Но Ольгу Петровну не фрезы интересовали. Ей бы узнать: как они там питаются с Аликом, добросовестная ли у них прачка? хватает ли у них денег? И когда же они занимаются? по ночам, что ли? На все эти вопросы Коля отвечал крайне бегло и невразумительно. Ольге Петровне так хотелось представить себе их комнату, их быт, их обед, что она, по совету Наташи, написала письмо Алику.

Ответ пришёл через несколько дней.

«Уважаемая Ольга Петровна! — писал Алик. — Извините мою смелость, но вы напрасно беспокоитесь о здоровье Николая. Мы кушаем совсем неплохо. Я с вечера закупаю колбасу и утром сам жарю её на сливочном масле. Обедаем мы в столовке, из трёх блюд, очень неплохо. Варенье, вами присланное, мы решили пить только с вечерним чаем, и таким путём его нам хватит надолго. Бельё я тоже сдаю прачке по счёту. Для занятий мы выделили специальные часы каждый день. Вы можете мне вполне поверить, что я всё делаю для Николая, как его друг и товарищ, и стараюсь всё для него».

Письмо кончалось так:

«Николай успешно разрабатывает метод изготовления долбяков Феллоу в нашем инструментальном цехе. Про него в парткоме на заводе говорят, что это будущий восходящий орёл».

Конечно, восходит светило, а не орёл, и Ольга Петровна решительно не понимала, что такое долбяки Феллоу, — и всё же эти строки наполнили её сердце гордостью и восхищением.

Колины письма Ольга Петровна аккуратно складывала в коробочку из-под писчей бумаги. Там у неё хранились жениховские письма Фёдора Ивановича, фотографии маленького Коли и фотография малютки Карины, родившейся на «Челюскине». Туда же Ольга Петровна положила и письмо Алика. Она испытывала нежность к Алику: он несомненно был предан Коле и так умел понять его.

Однажды, уже месяцев через десять после Колиного отъезда, Ольга Петровна получила по почте внушительный фанерный ящик. Из Свердловска. От Коли. Ящик был такой тяжёлый, что почтальон с трудом внёс его в комнату и потребовал рубль «на чай». «Швейная машина? — размышляла Ольга Петровна. — Вот бы хорошо!» Свою она продала в трудные годы.

Почтальон ушёл, Ольга Петровна взяла молоток и нож и вскрыла ящик. В ящике оказался чёрный стальной непонятный предмет. Он был заботливо засыпан стружками. Колесо не колесо, дуло не дуло, Бог знает что такое. Наконец на чёрной спине непонятного предмета Ольга Петровна обнаружила ярлык, надписанный Колиной рукой: *«Мамочка, посылаю тебе первую шестерёнку, нарезанную долбяком Феллоу, изготовленным на нашем заводе по моему методу».*

Ольга Петровна засмеялась, похлопала шестерёнку по спине и, пыхтя, отнесла её на подоконник. Каждый раз, когда она взглядывала на неё, ей становилось весело.

Через несколько дней, утром, когда Ольга Петровна допивала чай, торопясь на службу, в её комнату внезапно влетела Наташа. Волосы её, мокрые от снега, были растрёпаны, один ботинок расстёгнут. Она протянула Ольге Петровне мокрую газету.

— Смотрите... Я сейчас на углу купила... читаю просто так... и вдруг вижу: Николай Фёдорович, Коля.

На первой странице «Правды» Ольга Петровна увидела Колино улыбающееся, белозубое лицо. Фотография изме-

нила и немного состарила его, но безо всякого сомнения это он, её сын, Коля.

Под портретом было написано:

«Энтузиаст производства, комсомолец НИКОЛАЙ ЛИПАТОВ, разработавший метод изготовления долбяков Феллоу на Уральском машиностроительном заводе».

Наташа обняла Ольгу Петровну и поцеловала её в щёку.

— Ольга Петровна, милая! — умоляюще сказала она, — пожалуйста, пошлёмте ему телеграмму.

Ольга Петровна никогда ещё не видела Наташу такой возбуждённой. Да у неё и у самой тряслись руки, и она никак не могла найти свой портфель. Телеграмму они сочинили на службе, во время обеденного перерыва, и отправили после работы. Все поздравляли Ольгу Петровну: на службе её поздравила с таким сыном даже Зоя Викторовна, а дома — и жена бухгалтера.

Вечером, ложась в постель, счастливая и усталая, Ольга Петровна впервые подумала, что Наташа, наверное, влюблена в Колю. Как это она раньше не догадалась! Хорошая девушка, воспитанная, работающая, только очень уж некрасивая и старше его.

Засыпая, Ольга Петровна старалась представить себе ту девушку, которую полюбит Коля и которая станет его женой: высокую, свежую, розовую, с ясными глазами и светлыми волосами, — очень похожую на английскую открытку, только со значком КИМа на груди. Лиля? Нет, лучше Светлана. Или Людмила: Милочка.

6

Приближался новый, тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Местком принял решение устроить ёлку для детей служащих издательства. Организация праздника была поручена Ольге Петровне. Она кооптировала себе в помощницы Наташу, и работа у них закипела.

Они звонили по телефонам на квартиры служащих, узнавая имена и возраст ребят; отстукивали на машинке приглашения; бегали по магазинам, закупаая пастилу, пряники, стеклянные шары и хлопушки, и сбились с ног, отыскивая снег.

Самое важное и самое трудное было решить, какой подарок сделать кому из ребят, так, чтобы не выйти из лимита и в то же время чтобы все были довольны. Из-за подарка дочке директора, Ольга Петровна и Наташа даже немного поссорились. Ольга Петровна хотела купить ей большую куклу — побольше, чем другим девочкам, —

а Наташа находила, что это будет бестактно. Помирились на хорошенькой дудочке с пушистой кисточкой.

Наконец, осталось купить только ёлку. Они купили высокую, до потолка, с широкими, густыми лапами. В день праздника Наташа, Ольга Петровна и лифтёрша Марья Карповна украшали ёлку с раннего утра и до двух часов дня. Марья Карповна развлекала их рассказами о жене директора; про самого директора она говорила, как в старое время: «они». Лифтёрша подавала Наташе и Ольге Петровне шары, хлопушки, почтовые ящики, серебряные кораблики, а Наташа и Ольга Петровна вешали их на ёлку.

Скоро у Ольги Петровны заболели ноги, и она уселась в кресло и сидя вкладывала в пакетики с конфетами записочки: *«Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство»*.

Украшать продолжала одна Наташа. У неё были золотые руки и бездна вкуса: деда-мороза укрепила она удивительно эффектно. Потом Ольга Петровна наклеила кудрявую головку маленького Ленина в середину большой красной пятиконечной звезды, Наташа водрузила звезду на верхушку ёлки — и всё было закончено. Они сняли со стены портрет Сталина во весь рост и заменили его другим — Сталин сидит с девочкой на коленях. Это был любимый портрет Ольги Петровны.

Три часа. Пора домой — полежать немного, пообедать и переодеться перед праздником.

Праздник удался на славу. Явились все ребята и почти все папы и мамы. Жена директора не приехала, но дирек-

тор приехал и сам привёз свою маленькую дочурку, очаровательную крошку с белокурыми волосиками.

Дети радовались подаркам, родители громко восхищались ёлкой. Только Анна Григорьевна, председательница месткома, обиделась, что сыну её подарили барабан, а не деревянных солдатиков, как сыну парторга: солдатикки стоили дороже. Она была в зелёном платье и даже декольте. Сын её, долговязый, неприятный мальчик, присвистнул, демонстративно ткнул барабан кулаком и прорвал его. Но все остальные были довольны. Дочка директора без устали трубила в свою дудочку, подпрыгивая между колен отца, упираясь маленькой пухлой ручкой в его колено и запрокидывая голову назад, чтобы видеть ёлку.

Ольга Петровна чувствовала себя настоящей хозяйкой бала. Она заводила патефон, включала радио, показывала лифтёрше глазами, кому поднести блюдо с пастилой. Ей было жаль Наташу: девушка робко жалась к стене, бледно-серая, в своей нарядной, собственноручно вышитой блузке. Директор, согнувшись, водил девочку за обе ручки под ёлкой и пугал её дедом-морозом. Ольга Петровна с умилением смотрела на эту сцену: ей хотелось, чтобы Коля во всём походил на директора. Кто знает, годика через два, быть может, и у неё будет такая же милая внучка. Или внук. Она уговорит Колю назвать её внука Владлен — очень красивое имя! — а внучку Нинель — имя изящное, французское, и в то же время, если читать с конца, получается Ленин.

Ольга Петровна усталая опустилась в кресло. Пора бы уже и домой, у неё начиналась мигрень. К ней подошёл

представительный бухгалтер и, любезно нагнувшись, поведал страшную новость: в городе арестовано множество врачей. Бухгалтер был лично знаком со всеми медицинскими светилами города: экзема его не поддавалась ничьему лечению, один только покойный Фёдор Иванович умел согнать её. («Да, вот это был врач! Другие всё присыпают, мажут, а толку никакого...»)

Среди арестованных бухгалтер назвал доктора Кипарисова, сослуживца Фёдора Ивановича, Колиного крёстного.

— Как? Доктор Кипарисов?.. Не может быть! И что случилось? Разве опять какое-нибудь... несчастье?.. — спросила Ольга Петровна, не решаясь произнести «убийство».

Бухгалтер возвёл очи горé и отошёл, ступая почему-то на цыпочках.

Два года назад, после убийства Кирова (О! какие это были мрачные дни! по улицам ходили патрули... а когда ждали товарища Сталина — вокзальная площадь была оцеплена войсками... и на всех улицах войска, когда он шёл за гробом...), — после этого убийства тоже было много арестов, но тогда сначала брали каких-то оппозиционеров, а потом «бывших», всяких там «фон баронов». А теперь вот — врачей.

После убийства Кирова выслали как дворянку мадам Неженцеву, старинную приятельницу Ольги Петровны, — они ещё в гимназии вместе учились. Вначале Ольга Петровна была поражена: какое отношение мадам Неженцева могла иметь к убийству? Преподаёт в школе французский язык и живёт, как все. Но Коля объяснил, что Ленинград необходимо очистить от ненадёжного элемента.

«А кто такая, собственно, эта твоя мадам Неженцева? Ведь ты сама помнишь, мама, что она не признавала Маяковского и говорила всегда, что в старое время всё было дешевле. Она — не советский человек...» Ну хорошо, а врачи? Они чем провинились? Подумать только — Борис Игнатъич Кипарисов! такой почтенный врач!

Ребята шумели в раздевалке. Ольга Петровна, в качестве хозяйки, помогала родителям разыскивать рейтузы и ботики. Директор, с девочкой на руках, подошёл к ней проститься. Он поблагодарил местком за прекрасный праздник.

— Я видел в «Правде» портрет вашего сына, — сказал он ей, улыбаясь. — Хорошая у нас смена подросла...

Ольга Петровна смотрела на него с обожанием. Ей хотелось сказать ему, что он ещё никакого права не имеет говорить о смене — что такое тридцать пять лет? Цветущий возраст! — но она не решилась.

Он сам одел девочку и поверх шубки закутал её в белый пушистый платок. Как он всё умеет! Мать может спокойно отпустить с ним ребёнка. Сразу видно — прекрасный семьянин.

В газетах ничего не писали про врачей и про доктора Кипарисова. Ольга Петровна собиралась зайти к мадам Кипарисовой и всё не могла собраться. Времени не было, да и неловко как-то. Она не видела Кипарисову года три уже. Как это она ни с того ни с сего вдруг зайдёт?

В январе начали появляться в газетах статьи о новом предстоящем процессе. Прежний процесс Каменева и Зиновьева сильно поразил воображение Ольги Петровны, но она с непривычки к газетам не следила за ним изо дня в день. А на этот раз Наташа втянула её в чтение газет, и они ежедневно прочитывали вместе все статьи о процессе. Очень уж упорно заговорили вокруг о фашистских шпионах, о террористах, об арестах...

Подумать только, эти негодяи хотели убить родного Сталина. Это они, оказывается, убили Кирова. Они устраивали взрывы в шахтах, пускали поезда под откос. И чуть ли не в каждом учреждении были у них свои ставленники.

Одна машинистка в бюро, только что вернувшаяся из дома отдыха, рассказала, что в соседней с ними комнате жил молодой инженер, она иногда даже с ним по парку гуляла. Один раз ночью вдруг приехала машина, и его арестовали: он оказался вредителем. А на вид такой приличный — и не узнаешь.

В доме Ольги Петровны, в квартире 104, напротив, тоже кого-то арестовали — коммуниста какого-то. Комнату его запечатали красными сургучными печатями. Ольге Петровне рассказал об этом управдом.

Ольга Петровна по вечерам надевала очки — у неё в последнее время развилась дальнозоркость — и читала вслух газету Наташе. Скатерть была уже кончена, и Наташа вышивала теперь накидку Ольге Петровне на постель.

Они говорили о том, как, наверное, возмущён сейчас Коля. Да и не только Коля: возмущены все честные люди. Ведь в поездах, пущенных под откос вредителями, могли быть дети! Какое бессердечие! Изверги! Недаром троцкисты тесно связаны с гестапо: они и в самом деле не лучше фашистов, которые в Испании убивают детей. И неужели, неужели доктор Кипарисов участвовал в их бандитской шайке? Его не раз приглашали на консилиум вместе с Фёдором Ивановичем. После консилиума Фёдор Иванович привозил его домой: попить чайку, посидеть. Ольга Петровна видела его совсем близко — вот как сейчас Наташу видит. И теперь он вступил в бандитскую шайку? Кто бы мог ожидать? Такой почтенный старик.

Однажды вечером, прочитав в газете перечень преступлений, совершённых подсудимыми, прослушав тот же

перечень по радио, они с Наташей так ясно представили себе оторванные руки и ноги, горы изуродованных трупов, что Ольге Петровне сделалось страшно остаться одной у себя в комнате, а Наташе страшно идти по улице. В эту ночь Наташа ночевала у неё на диване.

Всюду, на всех предприятиях, во всех учреждениях собирались митинги, и в их издательстве тоже состоялся митинг, посвящённый процессу. Предместкома заранее обошла все комнаты и предупредила, что если есть такие несознательные, которые хотят уйти до собрания, то пусть имеют в виду: выходная дверь заперта. На собрание явились поголовно все, даже работники редакционного сектора, которые обыкновенно манкировали.

Выступил директор и кратко, сухо и точно изложил газетные сообщения. После него говорил парторг, товарищ Тимофеев. Останавливаясь после каждых двух слов, он сказал, что враги народа орудуют повсюду, что они могут проникнуть и в наше учреждение и потому всем честным работникам необходимо неустанно повышать свою политическую бдительность. Затем слово было предоставлено предместкома, Анне Григорьевне.

— Товарищи! — произнесла она, опустила веки и смолкла. — Товарищи! — она сжала тонкие пальцы с длинными ногтями. — Подлый враг протянул свою грязную лапу и к нашему учреждению.

Все замерли. Каменя опускалась и поднималась на полной груди Анны Григорьевны.

— Предыдущей ночью арестован бывший заведующий нашей типографией, ныне разоблачённый враг народа

Кузьмин. Он оказался родным племянником московского Кузьмина, разоблачённого месяц назад. При попустительстве нашей партийной организации, страдающей, по меткому выражению товарища Сталина, идиотской болезнью беспечности, Кузьмин продолжал, с позволения сказать, работать в нашей типографии уже после разоблачения его родного дяди, московского Кузьмина.

Она села. Грудь её поднималась и опускалась.

— Вопросов нет? — осведомился директор, председательствовавший на этом собрании.

— А что они... сделали... в типографии? — робко спросила Наташа.

Директор кивнул предместкома.

— Что сделали? — высоким голосом отозвалась она, поднявшись со стула. — Я, кажется, товарищ Фроленко, ясно, русским языком, объяснила здесь, что наш бывший заведующий типографией, Кузьмин, оказался родным племянником того, московского Кузьмина. Он осуществлял повседневную родственную связь со своим дядей... разваливал в типографии стахановское движение... срывал план... по указаниям родственника. При преступном попустительстве нашей партийной организации.

Наташа больше не спрашивала.

Вернувшись после собрания домой, Ольга Петровна села писать письмо Коле. Она написала ему, что у них в типографии открылись враги. А на Уралмаше? Всё ли там благополучно? Как честный комсомолец — Коля обязан быть бдительным.

В издательстве явственно ощущалось какое-то странное беспокойство. Директора ежедневно вызывали в Смоль-

ный. Хмурый парторг то и дело входил в бюро — отпирая дверь собственным французским ключом — и вызывал Зою Викторовну в спецчасть. Вежливый бухгалтер, которому откуда-то всегда всё было известно, рассказал Ольге Петровне, что партийная организация заседает теперь каждый вечер.

— Милые бранятся, — сказал он, многозначительно усмехаясь. — Анна Григорьевна во всём обвиняет парторга, а парторг директора. Насколько я понимаю, предстоит смена кабинета.

— В чём обвиняет? — спросила Ольга Петровна.

— Да вот... никак договориться не могут, кто из них Кузьмина проморгал.

Ольга Петровна ничего толком не поняла и в этот день ушла из издательства в какой-то смутной тревоге.

На улице она обратила внимание на высокую старуху, в платке поверх шапки, в валенках, в калошах и с палкой в руке. Старуха шла, выискивая палкой, где не скользко. Лицо её показалось Ольге Петровне знакомым. Да это Кипарисова! Неужели она? Боже, как она изменилась!

— Нина Васильевна! — окликнула её Ольга Петровна.

Кипарисова остановилась, подняла большие чёрные глаза и с видимым усилием изобразила на лице приветливую улыбку.

— Здравствуйте, Ольга Петровна! Сколько лет, сколько зим! Сынок-то ваш, верно, взрослый уже? — Она стояла, держа Ольгу Петровну за руку, но не глядя ей в лицо. Огромные глаза её в смятении бегали по сторонам.

— Нина Васильевна, — сердечно сказала Ольга Петровна. — Я так рада, что встретила вас. Я слышала,

у вас неприятности... с Борисом Игнатьичем... Послушайте, мы ведь с вами друзья... Борис Игнатьич Колю крестил... конечно, это теперь не считается, но мы-то ведь с вами старые люди. Скажите — Бориса Игнатьича обвиняют в чём-нибудь серьёзном? Неужели эти обвинения имеют под собой какую-нибудь почву? Я просто не могу, не могу поверить. Такой прекрасный, такой почтенный врач! Муж всегда уважал его и как клинициста ставил выше себя.

— Борис Игнатьич ничего не сделал против советской власти, — угрюмо проговорила Кипарисова.

— Я так и думала! — воскликнула Ольга Петровна. — Я ни минуты в этом не сомневалась, я так всем и говорила...

Кипарисова мрачно смотрела на неё чёрными огромными глазами.

— До свидания, Ольга Петровна, — попрощалась она без улыбки.

— Когда Борис Игнатьич вернётся, зовите меня на пирог, — продолжала Ольга Петровна. — Да что вы, право, такая расстроенная? Раз Борис Игнатьич не виноват — значит, всё будет хорошо. В нашей стране с честным человеком ничего не может случиться. Просто недоразумение. Смотрите же, будьте молодцом... Пришли бы когда-нибудь чайку выпить!

Кипарисова зашагала по панели, постукивая палкой о лёд.

«Неужели я так же постарела? — думала Ольга Петровна. — Лицо чёрное, всё в морщинах. Да нет, не может быть, я ещё не такая. Она просто распустилась уж очень:

ОПУСТЕЛЫЙ ДОМ

валенки, палка, платок... Для женщины много значит не распускаться, следить за собой. Ну кто теперь носит валенки? Не восемнадцатый год! Вот и выглядит на шестьдесят пять — а ей не больше пятидесяти... Хорошо, что Кипарисов не виноват. Уж кто-кто, а жена знает. Я так и думала, что это просто недоразумение и ничего больше».

8

На следующий день машинописное бюро спешно кончало полугодовой отчёт. Все знали, что ночью, со «Стрелой», директор выедет в Москву, чтобы завтра доложить о полугодовой работе издательства в Отделе печати ЦК партии. Ольга Петровна торопила машинисток. Наташа писала, не отрываясь, весь обеденный перерыв.

В три часа отчёт в четырёх экземплярах лежал уже перед Ольгой Петровной, и она аккуратно раскладывала его по четырём копиям. Не жалея скрепок, она ровненько скалывала листы.

А секретарша директора всё не шла за отчётом. Ольга Петровна решила сама отнести его в кабинет.

У полуоткрытых дверей директорского кабинета она столкнулась с парторгом.

— Туда нельзя! — сказал он ей, не поклонившись, и, хромая, прошёл в другую комнату. Вид у него был встрепанный.

Ольга Петровна заглянула в полуоткрытую дверь. Перед письменным столом на коленях стоял незнакомый мужчина и вынимал из тумбочки бумаги. Весь ковёр в кабинете был усыпан бумагами.

— В котором часу будет сегодня товарищ Захаров? — спросила Ольга Петровна у пожилой секретарши.

— Он арестован, — одними губами, без голоса, ответила ей секретарша. — Сегодня ночью.

Губы у неё были голубые.

Ольга Петровна понесла отчёт обратно в бюро. Когда она дошла до дверей бюро, она почувствовала, что у неё слабеют колени.

Грохот машинок оглушил её. «Знают они уже или не знают?» Они стучали, как будто ничего не случилось. Если бы ей сообщили, что директор умер, она была бы менее поражена. Она села на своё место и начала машинально снимать скрепки с листов.

Вошёл Тимофеев, отперев дверь, как обычно, собственным ключом. Ольга Петровна впервые заметила, что, несмотря на хромоту, парторг держится прямо и походка у него мерная. «Простите!» — сказала она испуганно, когда он, проходя мимо, нечаянно задел её плечом.

В половине пятого раздался, наконец, звонок. Ольга Петровна молча сошла с лестницы, молча оделась и вышла на улицу. Таяло. Ольга Петровна остановилась перед лужей, сосредоточенно обдумывая, как бы её обойти. К ней подошла Наташа. Наташа уже знала: ей сказала Зоя Викторовна.

— Наташа, — начала Ольга Петровна, когда они

дошли до угла, где обыкновенно прощались. — Наташа, вы верите, что Захаров виноват в чём-нибудь? Да нет, какая чепуха... Наташа, ведь мы-то знаем...

Она не могла подобрать слов, чтобы выразить свою уверенность. Захаров, большевик, их директор, которого они видели каждый день, Захаров — вредитель! Это была невозможность, чепуха, р е н и к с а, как говорил когда-то Фёдор Иванович. Недоразумение? Но ведь он такой видный партиец! Его знали и в Смольном, и в Москве, его не могли арестовать по ошибке. Он не Кипарисов какой-нибудь!

Наташа молчала.

— Зайдёте к вам, я вам сейчас всё объясню, — произнесла вдруг Наташа с необычайной торжественностью.

Они пошли. Молча разделись. Наташа вынула из своего старенького портфельчика аккуратно сложенную газету. Она развернула газету перед Ольгой Петровной и указала ей на подвал на вкладной странице.

Ольга Петровна надела очки.

— Понимаете, дорогая, его могли завлечь, — прошептала Наташа, — женщина...

Ольга Петровна принялась читать.

В статье рассказывалось о некоем советском гражданине А., честном партийце, который был командирован советским правительством в Германию, с целью освоить применение недавно изобретённого химического препарата. В Германии он честно исполнял свой долг, но вскоре увлёкся некоей С., элегантной молодой женщиной, сочувствовавшей якобы Советскому Союзу. С. нередко навещала гражданина А. у него на квартире. И вот однажды граж-

данин А. обнаружил пропажу из бюро серьёзных политических документов. Квартирная хозяйка сообщила ему, что в его отсутствие в комнате побывала С. Гр-н А. имел мужество немедленно порвать связь с С., но сообщить о пропаже документов товарищам мужества у него не хватило. Он уехал обратно в СССР, надеясь честной работой советского инженера загладить своё преступление перед родиной. Целый год он работал спокойно и начал уже забывать о своём преступлении. Однако замаскированные агенты гестапо, проникшие в нашу страну, начали его шантажировать. Запуганный ими, А. выдал им секретные планы того завода, на котором работал. Доблестные чекисты разоблачили окопавшихся агентов фашизма: нити следствия привели к несчастному А.

— Вы понимаете? — шёпотом спросила Наташа. — Нити следствия... Наш директор, конечно, хороший человек, честный партиец. Но ведь и гражданин А., тут пишут, тоже был сначала честным партийцем... Всякого честного партийца может опутать смазливая женщина.

Наташа терпеть не могла хорошеньких женщин. Она признавала только строгую красоту и не находила её ни в ком.

— Говорят, наш директор бывал за границей, — вспоминала Наташа. — Также в командировке. Помните, лифтерша Марья Карповна рассказывала, что он привёз своей жене из Берлина голубой вязаный костюм?

Статья сильно смутила Ольгу Петровну, и всё-таки ей ещё не верилось. То какой-то А., а то их Захаров. Выдержанный партиец, сам докладывал о процессе. И при нём издательство всегда выполняло план с превышением.

— Наташа, ведь мы же знаем... — устало проговорила Ольга Петровна.

— Что мы знаем? — с азартом продолжала Наташа. — Мы знаем, что он был директором нашего издательства, а больше ничего мы, собственно, не знаем. Разве вам известна вся его жизнь? Разве вы можете за него поручиться?

И в самом деле. Ольга Петровна не имела ни малейшего представления о том, чем был занят товарищ Захаров, когда не председательствовал на издательских собраниях и не водил девочку под ёлкой. Мужчины — все, все до единого, страшно любят смазливых женщин. Какая-нибудь наглая горничная — и та могла прибрать к рукам любого мужчину, даже порядочного. Если бы Ольга Петровна не выгнала Фани вовремя, ещё неизвестно, чем кончилось бы её заигрывание с Фёдором Ивановичем.

— Давайте чай пить, — предложила Ольга Петровна.

За чаем они припомнили, что фигура Захарова отличалась военной выправкой. Прямая спина, широкие плечи. Уж не был ли он в своё время белым офицером? По возрасту он вполне мог успеть.

Они пили пустой чай. Обе были так утомлены, что поленились спуститься в магазин за булкой или пирожными. «Завтра будет тяжело в издательстве — думала Ольга Петровна. — Будто покойник в доме. Что ни говори, а жаль директора». Она вспомнила полуоткрытую дверь кабинета и мужчину на коленях перед столом. Только теперь она поняла, что это был обыск.

Наташа собралась уходить. Она аккуратно сложила газету и спрятала её в портфель. Потом налила себе в

стакан кипятку и перед уходом стала греть о стакан свои большие красные руки. Они у неё были отморожены в детстве и всегда мёрзли.

Вдруг раздался звонок. И второй. Ольга Петровна пошла отворять. Два звонка — это к ней. Кто мог прийти так поздно?

За дверью стоял Алик Финкельштейн.

Видеть Алика одного, без Коли, было противоестественно.

— Коля?! — вскрикнула Ольга Петровна, схватив Алика за висящий конец его шарфа. — Брюшной тиф?

Алик, не глядя на неё, медленно снимал калоши.

— Тссс! — произнёс он наконец. — Пройдёмте к вам.

И он пошёл по коридору, ступая на цыпочках, сильно растопыривая свои короткие ноги.

Ольга Петровна, не помня себя, шла за ним.

— Вы только не пугайтесь, ради Бога, Ольга Петровна, — сказал он, когда она затворила дверь, — спокойненько, пожалуйста, Ольга Петровна, пугаться, право, не стоит. Ничего страшного нет. Поза-поза-позавчера... или когда это? ну перед тем выходным... Колю арестовали.

Он сел на диван, двумя рывками развязал шарф, бросил его на пол и заплакал.

9

Нужно было сейчас же бежать куда-то и разъяснить это чудовищное недоразумение. Нужно было сию же минуту ехать в Свердловск и поднять на ноги адвокатов, прокуроров, судей, следователей. Ольга Петровна надела пальто, шляпу, боты и вынула из шкатулки деньги. Не позабыть паспорт... сейчас же на вокзал за билетом!..

Но Алик, утерев лицо шарфом, сказал, что, по его мнению, ехать сейчас в Свердловск решительно не имеет никакого смысла. Колю, как коренного ленинградца, проживающего в Свердловске лишь недавно, скорее всего отвезут в Ленинград. Уж не лучше ли ей повременить с поездкой в Свердловск? Как бы она с ним не разминулась?

Ольга Петровна сняла пальто, бросила на стол паспорт и деньги.

— Ключи?! Вы оставили там ключи? — закричала она

вдруг, подступая к Алику. — Вы оставили кому-нибудь ключи?

— Ключи? Какие ключи? — оторопел Алик.

— Господи, какой же вы глупый! — выговорила Ольга Петровна и неожиданно зарыдала в голос.

Наташа подбежала и обняла её за плечи...

— Да ключи... от комнаты... в вашем, как его... общезитии...

Они не понимали и смотрели на неё бессмысленными глазами. Какие бестолковые! А горло у Ольги Петровны теснило, и она не могла говорить. Наташа налила в стакан воды и протянула ей.

— Ведь он... ведь его... — всхлипывала Ольга Петровна, отстраняя стакан, — ведь его... уже, наверное... выпустили... увидели, что не тот... и выпустили... он вернулся домой, а вас нет... и ключа нет... Сейчас, наверное, будет от него телеграмма.

В ботах Ольга Петровна повалилась на свою кровать. Она плакала, уткнувшись головой в подушку, плакала долго, до тех пор, пока и щека и подушка не стали мокрыми. Когда она поднялась, у неё болело лицо и кулаком стучало в груди сердце.

Наташа и Алик шептались возле окна.

— Вот что, — сказал Алик, жалостливо глядя на неё из-под очков своими добрыми глазами, — мы договорились с Натальей Сергеевной. Вы себе ложитесь сейчас спать, а утром идите потихонечку в прокуратуру. Наталья Сергеевна скажет завтра в издательстве, что вы прихворнули... или что-нибудь ещё... что у вас ночью угар был... я знаю?!

Алик ушёл. Наташа хотела остаться ночевать, но Ольга Петровна сказала, что ей ничего, ничего не надо. Наташа поцеловала её и ушла. Кажется, она тоже плакала.

Ольга Петровна вымыла лицо холодной водой, разделась и легла. В темноте трамвайные вспышки молниями озаряли комнату. Белый квадрат света, как согнутый пополам лист бумаги, лежал на стене и на потолке. В комнате бухгалтера ещё бубнила медицинская сестра и взвизгивала и смеялась Валя.

Ольга Петровна представляла себе, как Колю, под конвоем, приводят к следователю. Следователь — красивый военный, весь в ремнях и карманах.

— Вы Николай Фомич Липатов? — спрашивает Колю военный.

— Я Николай Фёдорович Липатов, — с достоинством отвечает Коля.

Следователь делает строгий выговор конвойным и приносит Коле свои извинения.

— Ба! — говорит он. — Как я сразу не узнал вас? Да ведь вы — тот молодой инженер, портрет которого я недавно видел в «Правде»! Простите, пожалуйста. Дело в том, что ваш однофамилец, Николай Фомич Липатов, — троцкист, фашистский наймит, вредитель...

Всю ночь Ольга Петровна ждала телеграммы. Вернувшись домой, в общежитие, и узнав, что Алик выехал в Ленинград — Коля немедленно даст телеграмму, чтобы успокоить мать. Часов в шесть утра, когда уже снова задрезжали трамваи, Ольга Петровна уснула. И про-

снулась от резкого звонка, который, казалось, был проведён прямо ей в сердце. Телеграмма? Но звонок не повторился.

Ольга Петровна оделась, умылась, заставила себя выпить чаю и прибрать комнату. И вышла на улицу в полумглу. По-прежнему оттепель, но за ночь лужи подёрнулись лёгким ледком.

Сделав несколько шагов, Ольга Петровна остановилась. Куда, собственно, следует идти?

Алик говорил: в прокуратуру. Но Ольга Петровна не знала толком, что такое прокуратура, и не знала, где она. А расспрашивать прохожих про это место ей казалось стыдным. И она пошла не в прокуратуру, а в тюрьму, потому что случайно ей было известно, что тюрьма на Шпалерной.

У железных ворот стоял часовой с винтовкой. Маленькая парадная возле ворот была заперта. Ольга Петровна тщетно толкала дверь рукой и коленом. И нигде не видно было ни одного объявления.

К ней подошёл часовой.

— В девять часов пускать будут, — объявил он.

Было без двадцати восемь. Ольга Петровна решила не уходить домой. Она прохаживалась взад и вперёд мимо тюрьмы, задирая голову вверх и поглядывая на железные решётки.

Неужели это может быть, что Коля здесь, в этом доме, за этими решётками?

— Тут ходить нельзя, гражданка, — строго предупредил часовой.

Ольга Петровна перешла на другую сторону улицы и машинально побрела вперёд. Налево она увидела широкую, снежную пустыню Невы.

Она свернула по улице налево и вышла на набережную.

Наступил день. Стало светло. С поразительной дружностью, как по команде, на Литейном мосту погасли фонари. Нева была завалена кучами грязного, жёлтого снега. «Наверное, сюда снег свозят со всего города», — подумала Ольга Петровна.

Она обратила внимание на большую толпу женщин посреди улицы. Одни стояли, облокотившись на парапет набережной, другие медленно прохаживались по панели и по мостовой.

Ольгу Петровну удивило, что все они были очень тепло одеты: поверх пальто закутаны в платки, и почти все в валенках и в калошах. Они притоптывали ногами и дули на руки. «Видимо, они уже давно тут стоят, если так замёрзли, — размышляла Ольга Петровна, — а мороза-то нет, снова тает». У всех этих женщин был такой вид, будто на полустанке, много часов подряд, они ожидали поезда.

Ольга Петровна внимательно оглядела дом, против которого толпились женщины — дом обыкновенный, на нём никаких вывесок. Чего же они тут ожидают? В толпе были дамы в нарядных пальто, были и простые женщины. От нечего делать Ольга Петровна прошла раз-другой сквозь толпу. Одна женщина стояла с грудным ребёнком на руках и за руку держала другого, перевязанного шарфом крест-накрест. У стены дома одиноко стоял мужчина.

Лица у всех были зеленоватые — может быть, это в утренней мгле они казались такими.

К Ольге Петровне вдруг подошла маленькая опрятная старушка с палочкой. Из-под котиковой, низко надвинутой шапки сверкали серебряные волосы и чёрные семитские глаза.

— Вам список? — спросила старушка дружелюбно. — В парадной 28.

— Какой список?

— На Л и М... Ах, извиняюсь, гражданка! Вы ходите здесь, так я подумала, вы тоже об арестованном.

— Да, о сыне... — с недоумением ответила Ольга Петровна.

Отвернувшись от старушки, неприятно поразившей её своей пронизательностью, Ольга Петровна отправилась разыскивать парадную дома № 28. Мысль, что все эти женщины пришли сюда за тем же, за чем пришла она, смутно зашевелилась в её душе. Но почему они здесь, на набережной, а не возле тюрьмы? Ах, да, возле тюрьмы не позволяет стоять часовой.

Дом № 28 оказался облупленным особняком почти возле самого моста. Ольга Петровна вошла в парадную — роскошную, но грязную, с камином, огромным разбитым трюмо и мраморным купидоном без одного крыла. На первой ступеньке величественной лестницы, подложив под спину газету, а под голову — затасканный портфель, свернувшись, лежала женщина.

— Записываться? — спросила она, подняв голову. Потом села и вынула из портфеля измятую бумажку и карандаш.

— Да я, собственно, не знаю, — растерянно произнесла Ольга Петровна. — Я пришла поговорить о сыне, которого по ошибке арестовали в Свердловске... Понимаете ли, просто как однофамильца...

— Говорите, пожалуйста, тише, — с раздражением оборвала её женщина. У неё было интеллигентное, усталое лицо. — Списки отбирают, и вообще... Как фамилия?

— Липатов, — робко ответила Ольга Петровна.

— 344, — сказала женщина, записывая. — Ваш номер — 344. Уходите отсюда, пожалуйста.

— 344, — повторила Ольга Петровна и снова вышла на набережную.

Толпа всё росла.

— Ваш какой номер? — то и дело спрашивали Ольгу Петровну.

И она, как автомат, каждый раз называла его...

— Ну вам сегодня не попасть, — сказала ей одна женщина, повязанная платком по-крестьянски. — Мы-то ещё с вечера записавшись...

— Список где? — шёпотом справлялись другие...

Было уже совсем светло.

И вдруг вся толпа кинулась бежать. Ольга Петровна побежала за всеми. Громко заплакал ребёнок, перевязанный шарфом. У него были кривые ножки, и он еле поспевал за матерью.

Толпа свернула на Шпалерную. Ольга Петровна издали увидела, что маленькая дверь возле железных ворот уже открыта. Люди протискивались в неё, как в дверь трамвая.

Втиснулась и Ольга Петровна. И сразу стала: идти дальше было некуда.

В полутёмной прихожей и на маленькой деревянной лестничке толпились люди. Толпа колыхалась. Все разматывали платки, расстёгивали ворота и пробирались куда-то: каждый искал предыдущий и последующий номер. А сзади всё напирало и напирало люди. Ольгу Петровну крутило, как щепку. Она расстегнула пальто и вытерла платком лоб.

Переведя дыхание и привыкнув к полутьме, Ольга Петровна тоже принялась отыскивать нужные номера: 343 и 345. 345 был мужчина, а 343 — сгорбленная, древняя старуха.

— Ваш муж тоже латыш? — спросила старуха, подняв на Ольгу Петровну мутные глаза.

— Нет, почему же? — удивилась Ольга Петровна. — Почему именно латыш? Мой муж давно умер, но он был русский.

— Скажите, пожалуйста, у вас уже есть путёвка? — обратилась к Ольге Петровне старушка-еврейка с серебряными волосами, та, которая заговорила с ней на набережной.

Ольга Петровна не ответила. Она ничего не понимала здесь. Женщина, лежащая на лестнице, теперь какие-то глупые вопросы о латыше, о путёвке... Ну при чём тут путёвка? Ей казалось, что она не в Ленинграде, а в каком-то незнакомом чужом городе. Странно было думать, что в тридцати минутах ходьбы — её служба, издательство, Наташа стучит на машинке...

Отыскав своих соседей, люди стояли спокойно. Ольга

Петровна разглядела: деревянная лестничка вела в комнату, и в комнате тоже толпой стояли люди, и, кажется, за этой комнатой была ещё вторая.

Ольга Петровна исподлобья поглядывала вокруг. Вот женщина с портфелем, в шерстяных носках поверх чулок, в плохоньких туфельках, — это та самая, которая лежала на лестнице. К ней и тут всё время подходят люди, но она уже не записывает их: поздно.

Подумать только, все эти женщины — матери, жёны, сёстры вредителей, террористов, шпионов! А мужчина — муж или брат. На вид все они самые обыкновенные люди, как в трамвае или в магазине. Только все усталые, с помятыми лицами. «Воображаю, какое это несчастье для матери узнать, что сын её вредитель», — думала Ольга Петровна.

Изредка по скрипучей узкой лестничке, с трудом протискиваясь сквозь толпу, спускалась женщина.

— Передала? — спрашивали её внизу.

— Передала, — и она показывала розовую бумажку.

А одна, по виду молочница, с большим бидоном в руке, ответила: «Выслан!» — и, поставив бидон, громко заплакала, прислонившись головой к косяку двери. Платок пополз вниз, показались рыжеватые волосы и маленькие серьги в ушах.

— Тише! — зашикали на неё со всех сторон. — Он шуму не любит, закроет окно, и всё. Тише!

Молочница поправила платок и ушла со слезами на щеках.

Из разговоров Ольга Петровна поняла, что большинство этих женщин пришли передать деньги арестованным

мужьям и сыновьям, а некоторые — узнать, здесь ли их муж или сын. У Ольги Петровны кружилась голова от духоты и усталости. Она очень боялась, что таинственное окошечко, к которому все стремились, закроется раньше, чем она успеет подойти к нему.

— Если сегодня будет только до двух, нам с вами не попасть, — сказал ей мужчина.

«До двух? Неужели до двух здесь стоять? — с тоской подумала Ольга Петровна. — Ведь сейчас не больше десяти?»

Она закрыла глаза, стараясь осилить головокружение. Мерно гудели тихие, немногословные разговоры:

— Вашего-то когда взяли?

— Да уж третий месяц пошёл.

— А моего — две недели.

— Скажите, вы не знаете, где ещё можно навести справки?

— В прокуратуре. Да нигде не говорят ничего.

— А вы на Чайковской были? А на Герцена?

— На Герцена военная.

— Вашего-то когда взяли?

— У меня дочка.

— На Арсенальной, говорят, бельё принимают.

— Вы кто, латыши будете?

— Нет, мы поляки.

— Вашего-то когда взяли?

— Да уж полгода.

— А какие номера там идут?

— Двадцатые.

— Только? Господи, Боже мой, как бы он в два не закрыл! Прошедший раз аккурат в два захлопнул!

Ольга Петровна повторяла про себя, что она спросит: «Привезли ли Колю в Ленинград? Когда можно видеть судью — или кого там, следователя? И нельзя ли сегодня? И нельзя ли немедленно получить свидание с Колей?»

Через два часа Ольга Петровна, следом за древней старухой, вступила на первую ступеньку деревянной лестницы. Через три — в первую комнату. Через четыре — во вторую и через пять — следом за извивающейся очередью — снова в первую. Из-за спины она разглядела деревянное квадратное окошечко и в окошечке широкие плечи и большие руки тучного мужчины. Было три часа. Ольга Петровна сосчитала — перед ней ещё пятьдесят девять человек.

Женщины, называя фамилию, робко протягивали в окошечко деньги. Кривоногий мальчик всхлипывал, обливаясь языком слёзы. «Ну уж я-то с ним поговорю, — нетерпеливо думала Ольга Петровна. — Пусть сейчас же проведёт меня к следователю, к прокурору или к кому там... Как много ещё у нас в быту некультурности! Духота, вентиляции не могут устроить. Надо бы написать письмо в «Ленинградскую правду».

И вот, наконец, перед Ольгой Петровной осталось только трое. На всякий случай она тоже приготовила деньги: пусть Коля пока что не стесняет себя.

Сгорбленная старуха дрожащей рукой передала в окошечко тридцать рублей и получила розовую квитанцию. Она вглядывалась в неё подслепыми глазами.

Ольга Петровна торопливо стала на место старухи. Она увидела молодого, тучного человека, с белым опухшим лицом и маленькими сонными глазками.

— Я хотела бы узнать, — начала Ольга Петровна, согнувшись, чтобы получше видеть лицо человека за окошечком, — здесь ли мой сын? Дело в том, что он арестован по ошибке...

— Фамилия? — перебил человек.

— Липатов. Его арестовали по ошибке, и вот уже несколько дней я не знаю...

— Помолчите, гражданка, — сказал человек, наклоняясь над ящиком с карточками. — Липатов или Лепатов?

— Липатов. Я хотела бы сегодня же повидаться с прокурором или к кому вам будет угодно меня направить...

— Буквы?

Ольга Петровна не поняла.

— Звать-то его как?

— Ах, инициалы? Эн, эф.

— Нэ или мэ?

— Эн, Николай.

— Липатов, Николай Фёдорович, — прочёл вслух человек, вынув из ящика карточку. — Здесь.

— Я хотела бы узнать...

— Справок мы не даём. Прекратите разговоры, гражданка. Следующий!

Ольга Петровна поспешно протянула в окошечко тридцать рублей.

— Ему не разрешено, — сказал человек, отстраняя

бумажку. — Следующий! Проходите, гражданка, не мешайте работать.

— Уходите! — шептали Ольге Петровне сзади. — А то он окошко захлопнет.

Ольга Петровна добралась до дому в шестом часу. У себя она застала Алика и Наташу. Она опустилась на стул и несколько минут не в силах была снять с себя боты и пальто. Алик и Наташа смотрели на неё вопросительно. Она сообщила, что Коля здесь, в тюрьме, на Шпалерной, и никак не могла объяснить им, почему она не узнала, по какому делу он арестован и когда можно будет получить с ним свидание.

Ольга Петровна взяла в издательстве двухнедельный отпуск за свой счёт. Пока Коля сидит в тюрьме, разве может она думать о каких-то бумагах, о Зое Викторовне! Да и не успеешь служить: с утра до ночи и с ночи до утра надо стоять в очередях.

Она подала заявление хромому парторгу: после ареста Захарова он был назначен временно исполняющим обязанности директора. Он сидел в том же кабинете, где раньше сидел Захаров, за тем же большим столом с телефонами; носил он уже не косоворотку, а серенький костюмчик из Ленинградодежды, галстучек, воротничок — и всё-таки казался невзрачным.

Ольга Петровна объяснила, что отпуск ей нужен по домашним обстоятельствам. Тимофеев долго писал резолюцию красными чернилами. Не глядя на Ольгу Петровну, он объявил ей, что замещать её на этот раз будет Зоя Викторовна, и приказал сдать ей дела.

— А почему не Фроленко? — удивилась Ольга Петровна. — Ведь Зоя Викторовна малограмотна и пишет с ошибками...

Товарищ Тимофеев ничего не ответил и встал.

Ах, не всё ли равно! Ольга Петровна вышла из кабинета. Она торопилась в очередь.

Дни и ночи её проходили теперь не дома и не на службе, а в каком-то новом мире — в очередях. Она стояла на набережной Невы, или на Чайковской — там скамейки, можно присесть, — или в огромном зале Большого Дома, или на лестнице в прокуратуре. Уходила домой поесть или поспать она только тогда, когда Наташа или Алик сменяли её. (Алика директор отпустил в Ленинград всего на одну шестидневку, но он со дня на день откладывал свой отъезд в Свердловск, надеясь вернуться вместе с Колей.)

Многое узнала Ольга Петровна за эти две недели: она узнала, что записываться в очередь следует с вечера, с одиннадцати или с двенадцати, и каждые два часа являться на переключку, но лучше не уходить совсем, а то тебя могут вычеркнуть; что непременно надо брать с собой тёплый платок, надевать валенки, потому что даже в оттепель с трёх часов ночи и до шести утра будут мёрзнуть ноги и всё тело охватит мелкая дрожь; она узнала, что списки снимают сотрудники НКВД и того, кто записывает, уводят в милицию; что в прокуратуру надо ходить в первый день шестидневки и там принимают не по буквам, а всех, а на Шпалерной её буква 7-го и 20-го (в первый раз она попала в свой день каким-то чудом); что семьи осуждённых высылают из Ленинграда —

«путёвка» это направление не в санаторий, а в ссылку; что на Чайковской справки выдаёт краснолицый старик, с пушистыми, как у кота, усами, а в прокуратуре — мелкозавитая, остроносая барышня; что на Чайковской надо предъявлять паспорт, а на Шпалерной — нет; узнала, что среди разоблачённых врагов много латышей и поляков — вот почему в очереди так много латышек и полек. Она научилась с первого взгляда догадываться, кто на Чайковской не прохожий вовсе, а стоит в очереди, она даже в трамвае, по глазам, узнавала, кто из женщин едет к железным воротам тюрьмы. Она научилась ориентироваться во всех парадных и чёрных лестницах набережной и без труда находила женщину со списком, где бы та ни пряталась. Она знала уже, выходя из дому после краткого сна, что на улице, на лестнице, в коридоре, в зале на Чайковской, на набережной, в прокуратуре — будут женщины, женщины, женщины, старые и молодые, в платках и в шляпах, без детей и с детьми, малолетними и грудными, плачущие от усталости дети и тихие, испуганные, немногословные женщины; и как когда-то, в детстве, после путешествия в лес, зажмурив глаза, она видела ягоды, ягоды, ягоды, — так теперь, когда она закрывала глаза, она видела лица, лица, лица...

Одного только она не узнала за эти две недели: из-за чего Коля арестован? и кто, и когда будет его судить? и в чём его обвиняют? и когда же, наконец, кончится это глупое недоразумение и он вернётся домой?

В справочном бюро на Чайковской краснолицый старик с пушистыми усами смотрел в её паспорт, спрашивал: «Как имя вашего сына? Вы мать? А почему жена не при-

шла? Не женат? Липатов, Николай? Следствие ведётся», — и выкидывал из окошечка паспорт, и прежде чем Ольга Петровна успевала открыть рот, механическая дверца окошечка с треском падала сверху вниз и раздавался звонок, означающий: «Следующий!» С дверцей Ольге Петровне разговаривать было не о чем и, постояв секунду, она уходила.

В прокуратуре мелкозавитая остроносовая барышня, высываясь из окошечка, говорила скороговоркой: «Липатов? Николай Фёдорович? Дело в прокуратуру ещё не поступало. Справьтесь через две недели».

На Шпалерной тучный, сонный мужчина неизменно отстранял её деньги и произносил: «Ему не разрешо́но». Это было всё, что она знала о Коле: другим деньги разрешо́ны, а ему почему-то не разрешо́ны. Почему? Но она уже понимала, что расспрашивать человека в окошечке — бесполезно.

Зато она с жадностью расспрашивала Алика про то, как это было, как уводили Колю.

И Алик покорно рассказывал опять и опять, что они уже спали, что вдруг раздался стук в дверь и вошёл заведующий общежитием, а за ним комендант, а за ним кто-то в штатском и один военный.

— Который был час? — спрашивала Ольга Петровна.

— Так, примерно, пол второго, — отвечал Алик и продолжал дальше: — Комендант зажжёт свет, а штатский спросил: «Кто тут Липатов, Николай?»

— Коля испугался? — тревожно перебивала Ольга Петровна.

— Ни капельки, — отвечал Алик. — Он быстро оделся и попросил меня завтра передать на заводе, что его по недоразумению задержали и он, может быть, несколько дней прогуляет... Так пусть на участке заменит его Мотя Ройтман, это у нас комсомолец такой...

— И неужели он ничего, ничего не взял с собой? — всплёркивала руками Ольга Петровна.

Алик объяснял ей, что Коля ни за что не хотел взять с собой ни смены белья, ни полотенца, хотя прачка только-только принесла. «Зачем мне? Ведь я завтра, послезавтра вернусь». — «Сильно советую взять», — подчёркнуто произнёс военный. Но Коля и ему повторил, что незачем: он завтра вернётся.

— Вот что значит чистая совесть! — умилялась Ольга Петровна. — Но дадут ли ему там полотенце?

Алик послушно ждал Колю и день, и два, и три, и только на четвёртый решился ехать в Ленинград — выяснять обстоятельства. Он соврал директору, будто у него мамаша при смерти. И директор — парень свой, хороший — отпустил.

Ольга Петровна осторожно выпрашивала Алика: не поссорился ли там Коля с начальством? не нагрубил ли кому? не водился ли с кем-нибудь, кто потом оказался вредителем? или женщина, быть может, во что-нибудь его впутала?

— Ну какая там женщина! — с лёгким раздражением отвечал Алик. — Да и впутаешь разве Николая? Не знаете вы его, что ли? Про него директор так прямо и говорил, что это будущий мировой инженер...

Ах, конечно, конечно, Коля ни на что дурное не спо-

собен. Уж Ольге ли Петровне не знать, что это за сердце, какая голова, как он предан советской власти и партии. Но ведь и без причины ничего не бывает. Коля ещё молод, не жил один на свете. Восстановил там кого-нибудь против себя. Надо уметь обходиться с людьми.

И Ольга Петровна с неприязнью взглядывала на Алика: не досмотрел. Вот если бы Коля остался в Ленинграде, у матери на глазах, ничего бы с ним не случилось. Не надо было отпускать его в Свердловск.

Но и так, и так ничего не может худого случиться, уговаривала себя Ольга Петровна. Каждый час, каждую минуту ждала она Колю домой. Уходя в очередь, она всегда оставляла ключ от своей комнаты в коридоре, на полочке, в старом, условленном месте. Она даже суп горячий оставляла для него в духовке. И, возвращаясь, поднималась по лестнице торопливо, без передышки, как когда-то навстречу письму: вот она сейчас войдёт в квартиру, а Коля, оказывается, дома и никак не может понять: куда же запропастилась мама?

Одна женщина, в очереди, говорила прошлой ночью другой — Ольга Петровна слышала: «Жди его, вернётся! Кто сюда попал — не вернётся». Ольга Петровна хотела было её оборвать, но не стала связываться. У нас невиновных не держат. Да ещё таких патриотов советских, как Коля. Разберутся и выпустят.

Однажды вечером Алик, уговорив Ольгу Петровну полежать хоть часок, надел уже куртку, обмотал шею шарфом и простился: 19-е — он шёл занимать очередь на Шпалерной.

— Я приду не позже двух, — сказала ему Ольга Петровна с кровати слабым голосом.

— Ольга Петровна, хоть в пять, — отозвался он бодро и вышел за дверь.

Но почему-то вернулся. Он подошёл к Наташе, сидевшей у окна с вязаньем в руках.

— Как вы себе мыслите, Наталья Сергеевна, — спросил он, прямо глядя на неё из-под очков блестящими глазами, — там, в тюрьме, все такие же виноватые, как Коля? Что-то в очереди все мамыши сильно смахивают на Ольгу Петровну.

— Не знаю, — односложно, по своему новому обыкновению, ответила Наташа.

Наташа и прежде была молчалива, но с тех пор, как арестовали Колю, она почти что совсем лишилась дара речи. На вопросы она отвечала: «да», «нет» или «не знаю». Казалось, спроси её, как её зовут, и она тоже ответит: «не знаю». Свободное от службы время она проводила у Ольги Петровны — стряпала обед, мыла посуду, подавала воду с валерьянкой — или в очереди. И всё это — не открывая рта.

— Что вы, Алик, — тихо сказала Ольга Петровна. — Как вы можете сравнивать. Ведь Колю-то арестовали по недоразумению, а других... Вы что, газет не читаете?

— Э, что газеты, — ответил Алик и вышел.

В газетах как раз появились признания подсудимых на суде. Вчера в очереди Ольга Петровна прочла целый лист из-за плеча стоящего перед ней мужчины. У неё болели ноги, ныло сердце, но газета была такая интересная, что, вытянув шею, она прочла её всю. Подсудимые подробно

рассказывали про убийства, про отравления, про взрывы — и Ольга Петровна была возмущена вместе с прокурором. «Это как называется?» — со сдержанным негодованием спрашивал у подсудимого прокурор. «Подлость!» — сокрушённо отвечал подсудимый.

Нет, Ольга Петровна недаром сторонилась своих соседей в очередях. Жалко их, конечно, по-человечески, особенно жалко ребят, а всё-таки честному человеку следует помнить, что все эти женщины — жёны и матери отравителей, шпионов и убийц.

Прошло две недели. Алик уехал обратно в Свердловск на завод, Ольга Петровна приступила к работе в издательстве — так ничего и не разузнав о Коле.

Женщины в очереди объяснили ей, что дело, по всей вероятности, в конце концов, поступит в прокуратуру, а когда дело поступит в прокуратуру — можно будет пройти к прокурору. Он принимает не через окошечко, а за столом, и ему можно всё рассказать.

А пока что оставалось одно — ходить на службу, подсчитывать строчки, улыбаться, распределять работу и под стук и звон машинок неустанно думать о Коле. Коля сидит в тюрьме, Коля — в тюрьме! Среди бандитов, шпионов и убийц. В камере. На запоре.

Стараясь представить себе тюрьму и Колю в тюрьме, она неизменно представляла себе картину, изображающую княжну Тараканову: тёмная стена, девушка с растрё-

панными волосами прижимается к стене, вода заливает камеру, крысы... но в советской тюрьме всё, конечно, не так.

Алик, на прощанье, посоветовал ей никому не говорить о Колином аресте.

— Мне нечего стыдиться Коли... — начала было гневно Ольга Петровна, но потом согласилась с Аликом: другие-то ведь не знают Колю и могут Бог знает что вообразить.

И ни на службе, ни в квартире, она никому ничего не рассказала — только жене милиционера, которая однажды застала её плачущей в ванной. Жена милиционера сочувственно вздохнула: «Что ж плакать-то — может, ещё и вернётся, — утешала она. — То-то я смотрю, вы и днём и ночью бегаєте, лица на вас нет».

Прошло пять месяцев со дня ареста Коли — зима уже сменилась весной и весна беспощадно жарким июнем — а Коли всё не было. Ольга Петровна изнемогала от жары, от ожидания, от ночных очередей.

Пять месяцев, три недели и четыре дня... и пять дней... и шесть дней...

Пять месяцев и четыре недели... А Коля всё не возвращался, деньги ему по-прежнему были не разрешёны, и на службе у Ольги Петровны вдруг начались неприятности. Одна за другой.

Виновницей неприятностей была Зоя Викторовна.

Когда Ольга Петровна вернулась на службу после двухнедельного отпуска, Зою Викторовну оставили при ней помощницей: вычитывать переписанные рукописи. Ольга Петровна полагала, что помощи от неё никакой:

сама неграмотна! как она чужие ошибки исправит?.. Но против распоряжения Тимофеева не пойдёшь. И Зоя Викторовна вычитывала, а Ольга Петровна молчала.

И вот однажды товарищ Тимофеев, позванивая ключами, — он теперь всегда носил при себе все ключи от всех столов и от всех комнат, — остановил Ольгу Петровну в коридоре и попросил её послать к нему после работы Фроленко. Ольга Петровна послала Наташу к нему в кабинет, а сама осталась ждать её в раздевалке, недоумевая, что бы могло товарищу Тимофееву понадобиться от Наташи.

Наташа вернулась довольно скоро. Серое лицо её было бесстрастно, только губы будто немного дрожали.

— Меня уволили, — сказала она, когда они вышли на улицу.

Ольга Петровна остановилась.

— Зоя Викторовна показала парторгу мою вчерашнюю работу. Помните, большая статья о Красной Армии? У меня написано в одном месте Кзысная Армия, вместо Красная.

— Но позвольте, — удивилась Ольга Петровна, — ведь это простая описка. С чего вы взяли, что вас завтра уволят? Всем известно, что вы лучшая машинистка в бюро.

— Он сказал: уволят за отсутствие бдительности.

Наташа пошла вперёд. Солнце било ей прямо в глаза, но она не опускала глаз.

Ольга Петровна привела её к себе, напоила чаем. Коли не было. Раньше, когда Коля жил благополучно в Свердловске, Ольга Петровна не мучилась, оттого что его с

ней не было. Так, скучала немножко. А теперь каждая вещь в комнате вопила Ольге Петровне в лицо, что Коли нет. На подоконнике одиноко чернела его шестерёнка.

— Завтра я ещё приду в издательство, но в последний раз, — сказала Наташа, прощаясь.

— Не говорите глупостей! — прикрикнула на неё Ольга Петровна. — Не может этого быть.

Но оказалось, что может. На следующий день, на стене, в коридоре, висел приказ об увольнении Н. Фроленко и Е. Горской — бывшей секретарши директора. Мотивировкой увольнения Фроленко служило отсутствие политической бдительности, увольнения секретарши — связь с разоблачённым врагом народа, бывшим директором Захаровым.

Рядом с приказом висел большой плакат:

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Сегодня в 5 час. дня состоится

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

всех работников издательства

повестка дня:

- 1) Доклад тов. Тимофеева о вредительстве на издательском фронте.
- 2) Разное.

ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА!!!

Наташа, собрав свой портфельчик, сразу после звонка ушла, сказав всем вместе: «До свидания». — «Всего хорошего!» — хором ответили ей машинистки; одна только Зоя Викторовна промолчала: она поправляла причёску, ловя своё отражение в стекле окна.

У Ольги Петровны было тяжело на душе. Она проводила Наташу до самой раздевалки: «Приходите вечером», — шепнула она ей на прощанье.

Предместкома уже созывала всех в кабинет директора. Лифтёрша Марья Карповна вносила стулья. Ольга Петровна вошла и села в первом ряду. Она чувствовала себя испуганной и одинокой. Зажгли верхний свет, задёрнули тяжёлые шторы. Входили и рассаживались служащие. На всех лицах приметно было какое-то жадное и тревожное любопытство.

— Что же вам, товарищи, особое приглашение посылать надо, что ли? — кричала в редакционном секторе предместкома.

Тимофеев стоял у стола, сосредоточенно перебирая бумаги.

Предместкома объявила собрание открытым. Лениво поднимая руки, её единогласно выбрали председательницей собрания. Товарищ Тимофеев откашлялся.

— Мы, товарищи, собрались сегодня для важного дела, — начал он, — для того, чтобы констатировать в нашем издательстве преступное притупление бдительности и сообща обдумать, как нам ликвидировать его последствия. — Он говорил на этот раз уверенно, гладко, даже почти не запинаясь. — В течение целых пяти лет тут у нас, перед самым носом, если можно так выразиться, у нашей общественности, подвизался ныне разоблачённый враг народа, злостный бандит, террорист и вредитель, бывший директор Захаров. Захаров уже лишён возможности вредить. Но в своё время он привёл с собою целый хвост своих людишек, свою, с позволения сказать, свиту, которая

вместе с ним образовала тут плотное гнездо и всячески способствовала ему в грязных троцкистских махинациях. К стыду нашей общественности, захаровская свита не ликвидирована до сих пор. Вот тут передо мной, — он развернул бумаги, — вот тут передо мной находятся документальные данные, которые документально подтвердят вам об их грязном контрреволюционном деле.

Тимофеев замолчал и налил себе воды.

— Что показывают эти доку́менты? — начал он снова, утерев рот ладонью. — Вот этот доку́мент неопровержимо показывает, что в тридцать втором году, по личному распоряжению директора, без увязки с месткомом и отделом кадров, по личному, я повторяю, распоряжению директора, была принята на работу некто Н. Фроленко.

Ольга Петровна вся съёжилась на стуле, будто заговорили о ней.

— А кто такая Фроленко? Она — дочь полковника, владевшего в старое время так называемым поместьем. Что же, спрашивается, делала в нашем издательстве гражданка Фроленко, дочь чуждого элемента, принятая на работу бандитом Захаровым? Об этом нам расскажет другой доку́мент. Под крылышком у Захарова гражданка Фроленко научилась чернить нашу любимую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, устраивать контрреволюционные вылазки: она называет Красную Армию — Крысиной Армией...

У Ольги Петровны пересохло во рту.

— А бывшая секретарша Горская? Это — верная подручная директора, которой он вполне мог доверять во всей своей, с позволения сказать, деятельности. Как же

могло случиться, чтобы вредитель и его прихвостни целые пять лет нагло морочили советскую общественность? Это, товарищи, могло объясняться только одним: преступным притуплением политической бдительности.

Товарищ Тимофеев сел и принялся пить воду. Ольга Петровна с жадностью смотрела на воду: такая сушь была у неё во рту и в горле.

Предместкома резко зазвонила в звонок, хотя все молчали и никто не шевелился.

— Кто хочет высказаться? — спросила она.

Молчание.

— Товарищи, кто просит слова? — ещё раз спросила предместкома.

Молчание.

— Неужели никто не хочет сказать пару слов по такому жгучему вопросу?

Молчание. И вдруг от дверей — громкий голос, на который все повернули головы.

Это была лифтёрша Марья Карповна. До сих пор она ни разу не выступила ни на одном собрании. И, вообще, мало кто в издательстве слышал её голос.

— Пожалуйста, просим, просим, товарищ Медведева! Лифтёрша, грузно шагая, подошла к столу.

— Вот я тоже хочу сказать своё пролетарское слово. Тут насчёт секретарши, это, граждане, правильно. Как, бывало, войдёт в лифт в калошах — наследит, наследит, — а ты вытирай за ей. Она наследит, а ты вытирай. И вверх её вози, да ещё и вниз норовит на лифте съехать. Вверх по сту разов ездит, да ещё и вниз её спускай. А как её не спустишь, когда она всё норовит к директору присусе-

даться? Куда он, туды и она. Он в лифт — и она за ним в лифт, он в машину — и она рядышком в машину. Это верно, что они в одну руку работали... Только я хочу и товарищу Тимофееву сказать — по-нашему, по-простому, по-пролетарскому — сколько разов ему, бывало, докладываешь: уйми ты её, барыню! а ему хоть бы хны! — никакого внимания не оказывал — махнёт рукой и пойдёт. Думаете, товарищ Тимофеев, лифтёрша маленький человек, не понимает? Ошибаетесь! Нонче не старое время! При советской власти маленьких нету — все большие.

— Правильно, товарищ Медведева, правильно, — сказала Анна Григорьевна. — Кто ещё, товарищи, просит слова?

Молчание.

— Можно мне? — тихо попросила Ольга Петровна. Она встала, потом села опять. — Я хотела всего несколько слов, насчёт Фроленко... Конечно, это ужасно, ужасно, то, что она написала. Но ведь у каждого в работе бывают ошибки, не правда ли? Она написала не Красная, а Крысная, просто потому, что в машинке — это все машинистки знают — буква *ы* находится неподалёку от буквы *а*. Товарищ Тимофеев говорит, что она написала Крысиная, но ведь она написала Крысная — а это не совсем то... это не имеет нехорошего смысла. Простая описка. Фроленко — высокой квалификации работник и очень старательная. Это просто случайность.

Ольга Петровна смолкла.

— Будете отвечать? — спросила у Тимофеева предместкома.

— Документы... — отозвался из-за стола Тимофеев и

постучал косточками пальцев по бумагам. — Против докүментов не пойдёшь, товарищ Липатова. Крысная или Крысиная — это значения не имеет. Класово враждебная вылазка со стороны гражданки Фроленко налицо.

— Кто-нибудь ещё хочет слова?.. Объявляю собрание закрытым.

Люди быстро расходились, торопясь домой. У вешалки, в раздевалке, уже слышны были разговоры: о том, что 5-й номер трамвая редко ходит и что в детском отделе Пассажа появились прекрасные рейтузы. Бухгалтер приглашал Зою Викторовну покататься на лодке.

— Да ну вашу лодку! — отмахнулась она, выпячивая к зеркалу губы, как бы для поцелуя. — Вот в кино бы сходить! О собрании, о вредительстве — никто ни слова.

Ольга Петровна быстро, не замечая дороги, шла домой. Ей казалось, что когда она придёт в свою комнату и закроет дверь — голова перестанет болеть, всё кончится, ей будет хорошо. В висках у неё стучало. Почему это так болит голова? — ведь на собрании, кажется, не курили. Бедная Наташа! Не везёт ей в жизни! Отличная машинистка и вдруг...

Дома её ожидала записка:

«Уважаемая Ольга Петровна! Я опять приехал. Мотя Ройтман подал на меня заявление в комсомол, что я был связан с Николаем. Меня исключили из комсомола благодаря тому, что я отказался отмежеваться от Николая, и сняли с работы. Очень тяжело быть исключённым из рядов. Подойду завтра. До скорого!

Ваш Александр Финкельштейн».

Ольга Петровна повертела записку в руках. Боже мой, сколько неприятностей сразу! С Колей, потом с Наташей, теперь с Аликом.

Но Алик, наверное, сам виноват: наговорил там чего-нибудь на собрании. Он стал такой резкий. В день его отъезда, когда она опять спросила его остороженько, не водился ли Коля с худыми людьми, он весь покраснел, как-то вжался в стенку и закричал на неё: «Да вы понимаете, что вы спрашиваете, или нет? Коля ни в чём не виноват, вы что — сомневаетесь, что?»

Конечно, в самом деле ни в чём, смешно говорить об этом, но ведь подал же Коля какой-нибудь повод?.. Теперь, наверное, на собрании, Алик надерзил начальству. Разумеется, он должен был заступиться за Колю — но как-нибудь осторожно, тактично, выдержанно...

У Ольги Петровны болела голова. Собрание для неё будто ещё не кончилось. В ушах звучал голос Тимофеева. У неё теснило в груди — ей казалось, что это голос Тимофеева стесняет ей грудь. Лечь? Нет, не то. Она решила принять ванну.

Что-то было такое в словах Тимофеева, от чего она вся цепенела. Ей казалось, что если принять ванну, это сразу пройдёт. Она сама принесла дров из чулана и затопила колонку. Раньше дрова ей всегда приносил Коля, потом стал носить Алик, а после вторичного отъезда Алика в Свердловск — носила Наташа!

Ах этот Алик! Он, конечно, хороший мальчик и предан Коле, но очень уж резкий. Нельзя так — с плеча. Не из-за его ли резкости и Коля сидит? Один раз в очереди,

на Шпалерной, когда она сказала Алику, что деньги для Коли опять не приняли, он громко воскликнул: «Бюрократы проклятые!» Он и в Свердловске, на заводе, мог себя так же держать.

Ольга Петровна пустила воду, разделась и села в ванну — в белую, широкую ванну, купленную ещё Фёдором Ивановичем. Мыться ей не хотелось. Она лежала неподвижно, закрыв глаза. Как она теперь на службе будет без Наташи? И всё эта Зоя Викторовна. Бывают же на свете такие завистливые, злые люди! Ну ничего, Наташа поступит на другое место, где-нибудь неподалёку, и они будут часто видеться... Скорее бы Коля вернулся!..

Она лежала, глядя на свои руки, изменённые водой. Неужели секретарша директора была вредительницей? Лучше не думать об этом. Какой сегодня тяжёлый день. Собрание по-прежнему теснило ей грудь. Она лежала с закрытыми глазами, в тепле и покое.

На кухне кто-то потушил примус, и сразу стали слышны голоса и грохот посуды. Медицинская сестра, по обыкновению, произносила какие-то колкости.

— Я пока ещё не сумасшедшая и не без глаз, — медленно говорила она. — Керосину я третьего дня самолично приобрела три литра. А теперь тут капля на донышке, псу под хвост. С некоторых пор ничего невозможно на кухне оставить.

— Кто у вас керосин брать будет? — басом отозвалась жена милиционера. По голосу слышно было, что она стоит согнувшись: моет пол или плиту растапливает. — У всех своего керосина хватает. Я, что ли?

— Я не о вас говорю. В квартире кроме вас люди

живут. Если уж один член семьи в тюрьме — то и от других всего можно ожидать. За хорошее в тюрьму не посадят.

Ольга Петровна замерла.

— Что ж, что сын в тюрьме, — возразила жена милиционера. — Посидит, да и выпустят. Он не карманник какой-нибудь, не вор. Образованный молодой человек. Мало ли теперь кого сажают. Муж говорит — многих теперь берут порядочных. А про него и в газете писали. Знаменитый ударник был.

— Ударник, подумаешь! Маскировался вот и всё, — донёсся Валин голос.

— Овечка какая невинная нашлась, — не унималась медицинская сестра. — Нет уж, извините, пожалуйста, зря у нас не сажают. Уж это вы бросьте. Меня же вот не посадили? А почему? Потому, что я женщина честная, вполне советская...

Ольгу Петровну в ванне охватил нервный озноб. Трясаясь как в лихорадке, она вытерлась, накинула халат и на цыпочках прошла в свою комнату. Она улеглась под одеяло и сверху, на ноги, положила подушку. Но озноб не проходил. Она лежала, вся дрожа, и смотрела прямо перед собой в темноту.

Ночью, часа в два, когда все уже спали, она встала, накинула на себя пальто и пробралась в кухню. Она взяла свою керосинку, свой примус, свои кастрюли — и всё перенесла к себе в комнату.

Заснула она только под утро.

На другой день у дверей издательства Ольгу Петровну поджидал Алик. Ничего не сказав ей заранее, чтобы она зря не беспокоилась, он и Наташа с утра заняли очередь в прокуратуре. Они стояли шесть часов, сменяя друг друга, и полчаса назад барышня в окошечке сказала им, что дело Николая Липатова находится у прокурора Цветкова. Тогда они заняли для Ольги Петровны очередь к прокурору Цветкову. В комнату № 7.

Алик уговаривал Ольгу Петровну зайти домой пообедать, но она боялась пропустить очередь и шагала быстро, изо всех сил. Она шла спасать Колю. От того, что она скажет сейчас прокурору, зависит Колина судьба. Она шла, задыхаясь, и на ходу обдумывала свою речь. Она расскажет прокурору о том, как Коля мальчиком вступил в комсомол, почти что против воли матери; как старательно он учился и в школе, и в вузе, как его ценили на

заводе, как его похвалил центральный орган «Правда». Он был замечательным инженером, честным комсомольцем, заботливым сыном. Разве такого человека можно заподозрить во вредительстве или в контрреволюции? Какой вздор, какое дикое предположение! Она, его старая мать, свидетельствует перед судьями, что это неправда.

Алик отворил тяжёлую дверь, и она вошла.

За последнее время Ольга Петровна много перевидала очередей, но такой ещё не видывала. Люди стояли, сидели, лежали на всех ступеньках, на всех площадках, на всех подоконниках огромной пятиэтажной лестницы. По ней невозможно было подняться, не наступив кому-нибудь на руку или на ногу.

В коридоре, возле окошечка и возле дверей комнаты № 7, плотно, как в трамвае, стояли люди. Это были те счастливы, которые уже простояли лестницу. Наташа горбилась у стенки под большим плакатом: «Выше знамя революционной законности!». Добравшись до неё, Ольга Петровна и Алик остановились и вместе тяжело перевели дух. Алик снял запотевшие очки и начал протирать их пальцами.

— Ну, я пошла, — сразу заявила Наташа, — вы будете вот за этой дамой.

Ольге Петровне хотелось рассказать Наташе про вчерашнее собрание и про то, как она выступила в её защиту, но Наташина спина уже мелькала далеко, возле лестницы.

— Паршивые дела у Натальи Сергеевны, — сказал Алик, кивнув подбородком вслед Наташе, — на работу её нигде не берут. Вроде как меня.

Он знал, что Наташа уже успела побывать в нескольких учреждениях, где требовались машинистки, но никуда её не приняли, справившись на месте предыдущей работы. Алик тоже, прямо с вокзала, зашёл в одно конструкторское бюро, но там, когда узнали, что он исключён из комсомола, — с ним и разговаривать не захотели.

— Волчий паспорт, так я понимаю, выдали нам. Ну и мерзавцы! И откуда это вдруг столько сволочей всюду набралось? — вскипел Алик.

— Алик! — укоризненно произнесла Ольга Петровна. — Разве так можно? Вот, вот, за резкость вас и из комсомола исключили.

— Не за резкость, Ольга Петровна, — обиделся Алик, и губы у него задрожали, — а за то, что я не пожелал отречься от Николая.

— Да нет же, Алик, — мягко сказала Ольга Петровна, прикасаясь к его рукаву. — Вы молоды ещё, уверяю вас, вы ошибаетесь. Всё зависит только от такта. Вот я вчера на собрании защищала Наталью Сергеевну. И что же? Ничего мне за это не сделали. Поверьте, меня замучила история с Колей. Я мать. Но я понимаю, что это временное недоразумение, перегибы, неполадки... надо перетерпеть. А вы уже сразу: негодяи! мерзавцы! Помните, Коля всегда говорил — у нас ещё много несовершенного и бюрократического.

Алик молчал. На лице у него застыло упорное, упрямое выражение. Он был небритый, осунувшийся, с синевой под глазами. И глаза смотрели из-под очков по-новому: сосредоточенно и угрюмо.

— Я уже подал заявление в райком. А если и там

не восстановят меня — в Москву поеду. Прямо в ЦК комсомола, — сказал он.

«Бедняжка! — думала Ольга Петровна. — Трудно ему будет, пока он без работы. Тётка, верно, уже и сейчас попрекает его». И Ольга Петровна, наклонившись к Алику, прошептала:

— Вот выпустят Колю — вас и восстановят сразу. — И улыбнулась ему.

Но Алик на её улыбку не ответил.

А до дверей прокурора всё ещё было далеко. Ольга Петровна сосчитала: человек сорок. Туда входили по двое — так как в комнате № 7 принимал не один, а сразу два прокурора, — и всё-таки очередь двигалась медленно.

Ольга Петровна разглядывала лица: ей казалось, что большинство этих женщин она уже видела раньше — на Шпалерной, или на Чайковской, или здесь же, в прокуратуре, возможно, что это те самые, а может быть, и другие. У всех женщин, стоящих в тюремных очередях, есть что-то одинаковое в лицах: усталость, покорность и, пожалуй, какая-то скрытность. Многие держали белые бумажки — Ольга Петровна знала, что это и есть «путёвки» в ссылку. В здешней очереди слышны были всё время три вопроса: «Вы куда?», или «Вы когда?», или «У вас была конфискация?».

Ольга Петровна прислонилась к стене и на минуту закрыла глаза. Какая бессердечная, какая злая и глупая женщина — жена бухгалтера. Вообразить, что Коля — вредитель! Ведь она его с детства знала. Ольга Петровна теперь никогда, никогда не переступит порога кухни. До

тех пор, пока эта женщина не попросит у неё прощения. Можно себе представить, как станет ей стыдно, когда Коля вернётся! Ольга Петровна всё расскажет Коле — про его замечательных друзей, Наташу и Алика (без них ей ни за что не справиться было бы с очередями), и про эту змею, медсестру. Пусть он знает, какие встречаются на свете мерзавки.

Открыв глаза, Ольга Петровна обратила внимание на маленькую девочку, сидевшую на корточках возле стены. Девочка была в пальто, застёгнутом на все пуговицы. «Как это у нас привыкли всегда кутать детей, — подумала Ольга Петровна, — даже летом». И вдруг, взглядевшись, она узнала девочку: это была маленькая дочка директора Захарова. Девочка ёрзала спиной по стене и хныкала, изнывая от жары. А высокая стройная дама в светлом костюме, за которой вот уже час стояли Ольга Петровна и Алик, — это была жена директора. Конечно, она.

— Ну что, цела ещё твоя дудочка? — ласково спросила Ольга Петровна, наклоняясь к ребёнку. — Или кисточку ты уже оторвала? Помнишь меня? На ёлке? Дай я тебе ворот расстегну.

Девочка молчала, глядя на Ольгу Петровну круглыми глазами и дёргая за руку мать.

— Что же ты? Отвечай тёте! — подбодрила дочку жена директора.

— Я знала вашего мужа, — обратилась к ней Ольга Петровна. — Я работаю в издательстве.

— А-а! — протянула жена директора и как-то болезненно скривила губы. Губы у неё были подкрашены, но

не по губам, а выше и ниже. Безусловно, красивая женщина — но теперь она уже не казалась Ольге Петровне такой нарядной и молодой, как полгода тому назад, когда она приходила на минутку в издательство к мужу и в коридоре приветливо отвечала на поклоны служащих.

— Ну что ваш муж? — осведомилась Ольга Петровна.

— Десять лет дальних лагерей.

«Значит, он таки был виноват. Вот уж никогда б не сказала. Такой приятный человек», — подумала Ольга Петровна.

— А меня вот с ней в Казахстан, в деревню, или аул, или как там?.. Завтра ехать. Там я с голоду подохну без работы.

Она говорила громко, резким голосом, и все оглядывались на неё.

— А куда направили вашего мужа? — спросила Ольга Петровна, чтобы переменить разговор.

— А я почём знаю? Разве они скажут куда?..

— Но как же вы потом... через десять лет... когда он освободится... найдёте друг друга? Вы не будете знать его адреса, а он — вашего.

— А вы думаете, — сказала жена директора, — что хоть одна из них — она махнула рукой на толпу женщин с «путёвками» — знает, где её муж? Мужа уже увезли, или завтра увезут, или сегодня увозят, жена тоже уезжает к чёрту в тартарары и понятия не имеет, как она потом найдёт своего мужа. Откуда же мне-то знать? Никто не знает, и я не знаю.

— Надо проявить настойчивость, — тихо ответила Ольга Петровна. — Если здесь не говорят, надо написать в

Москву. А то как же так? Вы же потеряете друг друга из виду.

Жена директора смерила её взглядом с ног до головы.

— А у вас кто? муж? сын? — спросила она в порыве такой ярости, что Ольга Петровна невольно подвинулась поближе к Алику. — Ну так вот, когда вашего сына отправят — тогда и проявите настойчивость, разузнайте его адрес.

— Моего сына не отправят, — извиняющимся голосом сказала Ольга Петровна. — Дело в том, что он не виноват. Его арестовали по ошибке.

— Ха-ха-ха! — захохотала жена директора, старательно выговаривая слоги. — Ха-ха-ха! По ошибке! — И вдруг слёзы полились у неё из глаз. — Тут, знаете ли, все по ошибке... Да стой же ты, наконец, хорошенько! — крикнула она девочке и наклонилась к ней, чтобы скрыть слёзы.

Между дверьми и Ольгой Петровной стояло пять человек. Ольга Петровна повторяла про себя слова, которые она скажет сейчас прокурору. Она со снисходительной жалостью думала о жене директора: «Хороши мужья, нечего сказать! Натворят бед, а жёны мучайся из-за них. Едет теперь в Казахстан, с ребёнком, да ещё очереди эти — тут поневоле нервная сделаешься».

— Знаете, я пойду с вами, — предложил вдруг Алик. — В качестве сослуживца и друга. Я расскажу товарищу прокурору, что в Николае мы имели кристально чистого человека, нестигаемого большевика. Я расскажу ему о применении на нашем заводе долбяка Феллоу, которым мы обязаны исключительно изобретательности Николая.

Но Ольга Петровна не хотела, чтобы Алик шёл к прокурору. Она боялась его резкости: надерзит и всё дело испортит. Нет, уж лучше она пойдёт одна. Она уверила Алика, будто посторонних прокурор не принимает.

Наконец настала её очередь. Жена директора открыла дверь и вошла. За нею, с замирающим сердцем, последовала Ольга Петровна.

У двух противоположных стен пустой полутёмной комнаты стояло два письменных стола и перед ними — два ободранных кресла. За столом направо сидел полный белотелый человек с фарфорово-голубыми глазами. За столом налево — горбун. Жена директора с девочкой подошла к белотелому, Ольга Петровна — к горбатуму. Она уже давно слыхала в очередях, что прокурор Цветков — горбатый.

Цветков разговаривал по телефону. Ольга Петровна опустилась в кресло.

Прокурор Цветков был маленького роста, худой, в синем засаленном костюме. Головка остренькая, а горб большой, круглый. Длинные кисти рук и пальцы поросли чёрным волосом. Телефонную трубку он держал как-то не по-человечьи, а на обезьяний манер. Он вообще показался Ольге Петровне до такой степени похожим на обезьяну, что она невольно подумала: «Если ему захочется почесать за ухом, — он, наверное, сделает это ногой».

— Дубинин? — кричал Цветков в трубку охрипшим голосом. — Это Цветков, здорово. Скажи там Рудневу, что я уже всё провернул. Пусть пришлёт. Что? Я говорю — пусть пришлёт.

А за другим столом полный белотелый человек с голубыми, кукольными глазами и маленькими, пухлыми, дамскими ручками, вежливо беседовал с женой директора.

— Я прошу переменить мне село на какой-нибудь город, — отрывисто говорила она, стоя перед столом и держа за руку девочку. — В селе я окажусь без работы. Мне не на что будет кормить ребёнка и мать. По профессии я стенографистка. В селе стенографировать нечего. Я прошу послать меня не в село, а в город, хотя бы и в том же самом — как его? — Казахстане.

— Садитесь, гражданка, — ласково пригласил белотелый.

— Вам что? — спросил Ольгу Петровну Цветков, оставив телефон и мельком взглядывая на неё маленькими чёрными глазками.

— Я о сыне. Его фамилия Липатов. Он арестован по недоразумению, по ошибке. Мне сказали, что его дело находится у вас.

— Липатов? — переспросил Цветков, припоминая. — Десять лет дальних лагерей. — И он снова снял трубку. — Группа А? 244-16.

— Как? Разве его уже судили? — вскрикнула Ольга Петровна.

— 244-16? Морозову позовите.

Ольга Петровна смолкла, поддерживая сердце рукой. Сердце стучало медленно, редко и громко. Стук отдавался в ушах и в висках. Ольга Петровна решила дожидаться, пока Цветков кончит, наконец, говорить по телефону. Она с испугом смотрела на его длинные, волосатые кисти, на усыпанный перхотью горб, на небритое, жёлтое лицо.

Терпение, терпение!.. И слушала стук своего сердца: в висках и в ушах.

А за противоположным столом белотелый прокурор мягко говорил жене директора:

— Напрасно вы расстраиваетесь, гражданка. Присядьте, пожалуйста. Как представитель законности, я обязан напомнить вам, что великая сталинская конституция обеспечивает право на труд всем без различия. Поскольку никаких гражданских прав вас никто не лишает — право на труд остаётся вам обеспеченным, где бы вы ни жили.

Жена директора порывисто встала и пошла к дверям. Девочка мелкими, сбивчивыми шажками бежала за нею.

— Вы ещё здесь? Чего ж вам надо? — огрызнулся Цветков, положив, наконец, трубку.

— Я хотела бы знать, в чём мог провиниться мой сын, — спросила Ольга Петровна, напрягая все силы, чтобы голос у неё не дрожал. — Он всегда был безупречным комсомольцем, честным гражданином...

— Сын ваш сознался в своих преступлениях. Следствие располагает его подписью. Он террорист и принимал участие в террористическом акте. Вам понятно?

Цветков выдвигал и задвигал ящики письменного стола. Выдвинет и толчком задвинет. Ящики были пустые.

Ольга Петровна мучительно вспоминала: что она ещё хотела сказать? Но она всё забыла. Да и в этой комнате, перед этим человеком, все слова были тщетными. Она поднялась и побрела к дверям.

— Как же я узнаю теперь, где он? — спросила она от двери.

— Это меня не касается.

В коридоре её ожидал верный Алик. Молча протиснулись они сквозь толпу по коридору, потом по лестнице. Молча вышли на улицу. На улице звенели трамваи, блестело солнце, толкались прохожие. Душному летнему дню ещё далеко было до конца.

— Ну что, Ольга Петровна, что? — тревожно спросил Алик.

— Осуждён. В далёкие лагеря. На десять лет.

— Шүтите! — вскрикнул Алик. — За что же?

— Участвовал в террористическом акте.

— Колька — в террористическом акте? Бред!

— Прокурор говорит: он сам сознался. Следствие располагает его подписью.

Слёзы ручьём текли по щекам Ольги Петровны. Она остановилась, схватившись за выступ стены.

— Колька Липатов — террорист! — захлебнулся от возмущения Алик. — Сволочи, вот сволочи! Да это же курам на смех! Знаете, Ольга Петровна, я начинаю думать так: это какое-то колоссальное вредительство. Вредители засели в НКВД — вот и орудуют. Сами они там враги народа.

— Но ведь Коля сознался, Алик, сознался, поймите, Алик, поймите... — плача говорила Ольга Петровна.

Алик твёрдо взял Ольгу Петровну под руку и повёл её домой. У дверей квартиры, пока она искала в сумочке ключ, он заговорил опять:

— Коле не в чем было сознаваться, неужели вы в этом сомневаетесь, что? Я ничего не понимаю больше, совсем ничего не понимаю. Я теперь одного хотел бы: поговорить с глазу на глаз с товарищем Сталиным. Пусть объяснит мне — как он себе это мыслит?

Ольга Петровна всю ночь напролёт пролежала с открытыми глазами. Которая уже была это ночь со времени ареста Коли — бесконечная, бездонная?

Она уже наизусть знала всё: летнее шарканье подошв под окном, крики в соседней пивной, замирающее зуденье трамваев — потом недолгая тишина, недолгая тьма — и вот уже снова заползает в окно белый рассвет, начинается новый день, день без Коли.

Где-то сейчас Коля? на чём спит? о чём думает? где он? с кем он? Ольга Петровна ни секунды не сомневалась в его невиновности; террористический акт? Бред! — как говорит Алик. Просто следователь попался ему слишком старательный, запутал и сбил его. А Коля не сумел оправдаться, он ведь так молод ещё.

К утру, когда опять рассвело, Ольга Петровна вспомнила, наконец, то слово, которое вспоминала всю ночь: алиби. Она где-то читала про это. Он просто не сумел доказать своё алиби.

В первые часы на службе ей стало как будто немного легче. Ярко светило солнце, и пыль клубилась в солнечном луче, и так деловито стучали машинки, и машинистки в перерыве бегали вниз, на улицу, и потом без конца сосали эскимо на палочках — всё было так обычно... а Коля вот — осуждён, и на десять лет! Днём, при солнечном свете, становилось ясно, что это чепуха. Она десять лет не увидит Колю. Да почему же? Что за вздор! Не может этого быть. В один прекрасный день — и совсем скоро — всё станет по-старому: Коля будет дома, будет по-прежнему спорить с Аликом о машинах и паровозах, по-прежнему чертить — только теперь уж она ни за что не отпустит его в Свердловск. Можно ведь и в Ленинграде устроиться.

В перерыве она вышла побродить в коридор — сидя она боялась уснуть. В коридоре висела новая стенная газета. Перед нею толпились служащие. Это был большой, нарядный номер, с красными заглавными буквами и портретами Ленина и Сталина по обеим сторонам ярко-красного названия «НАШ ПУТЬ». Ольга Петровна подошла к газете.

«Как же могло случиться, чтобы вредители в течение целых пяти лет без помехи обдeldывали свои грязные дела перед носом советской общественности?»

— прочла Ольга Петровна. Это была передовая Тимофеева.

На столбце рядом начиналась статья предместкома. Анна Григорьевна язвительно уличала Тимофеева в том, что выступление его на собрании было недостаточно самокритично. Если общественность проглядела вредительство, то первым за это должен отвечать товарищ

Тимофеев, бывший парторг. Тем более, что, как выяснилось, парторгу своевременно сигнализировали снизу: сигнализировала товарищ Медведева, давно раскусившая секретаршу своим пролетарским чутьём.

Ольга Петровна перевела глаза на следующий столбец. И прежде чем она поняла, что читает, у неё стало жарко в груди. Статья была о ней самой, об Ольге Петровне, о её выступлении в защиту Наташи. Автор, скрывшийся под псевдонимом *ИКС*, писал:

«На собрании произошёл возмутительный факт, за который, по нашему мнению, недостаточно дали по рукам. Товарищ Липатова выступила с настоящей адвокатской речью — и кого же она сочла необходимым защищать? Фроленко, полковничью дочь, позволившую себе грубый антисоветский выпад против нашей любимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Известно, что товарищ Липатова постоянно покровительствовала Фроленко, предоставляла ей сверхурочную работу, посещала с ней вместе кинотеатры и пр. и т. п. Теперь, когда издательству предстоит напрячь все силы честных работников, партийных и непартийных большевиков, чтобы возможно скорее ликвидировать последствия «хозяйничанья» Кузьмина — Захарова и К°, — допустимо ли, чтобы в этот ответственный момент, в рядах работников издательства находились подобные лица? Выше знамя большевистской бдительности, как учит нас гениальный вождь народов товарищ Сталин! Выкорчем с корнем всех вредителей, тайных и явных, и всех расписавшихся в сочувствии им!

ИКС»

Раздался звонок, возвещающий конец обеденного перерыва. Ольга Петровна пошла к себе в бюро. Как это она раньше не заметила, что сегодня все смотрят на неё особенными глазами?

Вернувшись домой, она прильнула к подушке — к своему последнему прибежищу. И сон сразу сомкнул ей глаза.

Она спала долго, ей снился Коля. На нём был пушистый серый свитер. Он привязал к сапогам коньки. И потом, низко наклонившись, заскользил по коридору издательства.

Когда она проснулась, за окном синели поздние сумерки, а в комнате горел свет. Возле стола шила Наташа. Видно было, что она шьёт здесь уже давно.

— Сядьте сюда, поближе, — слабым голосом сказала Ольга Петровна, облизывая губы, невкусные после дневного сна.

Наташа покорно перенесла свой стул к изголовью кровати и села.

— Вы знаете, Колю осудили, на десять лет. Вам, верно, уже сказал Алик.

Наташа кивнула.

— Ах, да, знаете? — вспомнила Ольга Петровна. — Обо мне написали в стенной газете, будто я защищаю вредителей и мне в издательстве не место.

Наташа медленно подняла голову:

— Алик арестован. Сегодня ночью...

Если Ольга Петровна ночью не спала — все часы и минуты суток были для неё одинаковыми. Свет резал глаза, болели ноги, ныло сердце. Но если ночью ей удавалось заснуть, то самой тяжёлой минутой, бесспорно, была минута, следующая после пробуждения. Открыв глаза и увидев окно, спинку кровати, своё платье на стуле — в первый миг она не думала ни о чём, кроме этих предметов. Она узнавала их: окно, стул, платье. Но в следующий — где-то в области сердца возникала тревога, похожая на боль, и сквозь туман этой боли она вдруг вспоминала всё сразу: Коля осуждён на десять лет, Наташу прогнали, Алик арестован, о ней написано, что она заодно с вредителями. Да, ещё: керосин.

На работе она больше ни с кем не разговаривала. Даже бумаги, которые приносили ей для переписки, клала перед машинистками молча. И с ней никто не разговаривал.

Сидя за своим столиком в бюро, она вглядывалась в лица машинисток, старалась угадать: кто из них написал про неё в газете? Вероятнее всего — Зоя Викторовна. Но разве она умеет так гладко писать? И когда это она видала их с Наташей в кино? Её они не видали ни разу.

Слоняясь как-то в тоске по коридору, она чуть не столкнулась с Наташей. Наташа шла, как лунатик, ступая, будто в темноте.

— Наташа, вы здесь?! — вскрикнула от неожиданности Ольга Петровна.

— Я прочла газету. Не разговаривайте со мной. Увидят! — торопливо прошептала Наташа.

Вечером она пришла к Ольге Петровне. Теперь она казалась возбуждённой и говорила без умолку, перескакивая с предмета на предмет. Ольге Петровне ещё никогда не приходилось слышать, чтобы Наташа говорила так много. И она не вышивала, не шила на этот раз.

— Как вы думаете, Коля ещё здесь, в городе, или уже далеко? — внезапно спросила она.

— Не знаю, Наташа, — со вздохом ответила Ольга Петровна. — Ведь на Шпалерной его буква 19-го, а сегодня только 10-е.

— Нет, я не о том. А как вы чувствуете? — Наташа провела рукой по воздуху. — Он ещё здесь, близко от нас, или уже далеко? Мне кажется, далеко. Я вчера вдруг почувствовала: сейчас он уже далеко. Его уже нет здесь... А знаете, Ольга Петровна, ведь лифтёрша отказалась поднять меня в лифте. «Я не обязана поднимать всяких...» Да, Ольга Петровна, вам необходимо сейчас же, завтра

же уйти из издательства. Обещайте мне, что вы уйдёте. Милая, обещайте! Завтра же, хорошо?

Наташа коленями стала на диван, на котором сидела Ольга Петровна, и умоляюще сложила перед ней руки.

Потом она села к столу, схватила перо и сама написала заявление от имени Ольги Петровны. Она уверяла Ольгу Петровну, что ей необходимо уйти по собственному желанию, иначе её непременно уволят за связь с вредителями — «это со мной» — улыбнувшись бледными губами, сказала Наташа, — и тогда уж её ни на какую службу ни за что не примут.

Ольга Петровна заявление подписала. Она и сама уже подумывала уходить. Страшно как-то стало в издательстве. От одного вида хромого Тимофеева со связкой ключей в руках — её пробирала дрожь.

— Но мне ведь всё равно в Ленинграде не служить, — грустно сказала она. — Меня ведь всё равно вышлют. Всех жён и матерей высылают.

— Как вы думаете, — спросила Наташа, беря с полки книгу и сейчас же ставя её на место, — чем объясняется, что Коля сознался? Можно сбить, запутать человека, — я понимаю, — но ведь это в мелочах только. Как можно было так сбить Колю, чтобы он сознался в преступлении, которого никогда не совершал? Этого я, как хотите, не пойму. И отчего все признались? Ведь всем жёнам говорят, что их мужья признались. Всех сбили.

— Он просто не сумел доказать своё алиби, — пояснила Ольга Петровна. — Вы забываете, Наташа, что он так молод ещё.

— А почему Алика арестовали?

— Ах, Наташа, если бы вы знали, какие грубости он говорил при всех в очереди. Я теперь уверена, что и Коля погиб из-за его языка.

Наташа собралась уходить. На прощанье она порывисто обняла Ольгу Петровну.

— Что с вами сегодня? — удивилась Ольга Петровна.

— Со мной ничего... Сидите, не вставайте, не надо! Как вы похожи на Колю, то есть Коля на вас... Вы подадите заявление завтра же, да? Не раздумаете? — спрашивала она, заглядывая Ольге Петровне в глаза. — И потом не забудьте, что 30-го — «Ф», надо будет непременно передать Алику деньги, у него ведь ни гроша, а тётка побоится передавать... И ещё, дорогая, умоляю вас — пойдите к врачу! Прошу вас! Ведь вы на себя не похожи!

— Что мне врач... Коля!.. — скорбно произнесла Ольга Петровна и опустила налившиеся слезами глаза.

На другой день с утра она вошла в кабинет директора и молча положила заявление на стекло стола. Тимофеев прочёл его и также молча кивнул головой.

Увольнение её было оформлено с необычайной поспешностью. Через два часа на стене уже висел приказ. А через три — вежливый бухгалтер уже выдал ей полный расчёт.

— Покидаете нас? Ай-ай-ай, нехорошо! Смотрите же, заглядывайте, не забывайте старых друзей.

В последний раз идёт она по этому коридору.

— До свидания, — сказала она машинисткам после звонка, когда все с треском уже надевали pokrышки на свои ундервуды.

— Всего хорошего! — хором, как Наташе недавно,

ответили ей все, а одна даже подошла к Ольге Петровне и крепко пожала ей руку. Ольга Петровна была очень тронута: какая мужественная, благородная девушка!

— Счастливо! — весело крикнула Зоя Викторовна, и мучившее Ольгу Петровну сомнение сразу сменилось твёрдой уверенностью, что ту статью написала именно Зоя Викторовна и никто другой!

Она вышла на улицу — в летний шум, в грохот. Солнце палит. Вот и кончилась служба — кончилась навсегда.

Она пошла было домой, но скоро повернула к Наташе. Всюду на углах мальчишки сжимали в потных пальцах букеты колокольчиков и ромашек. Всё, как обычно, вот даже цветы продают. Но оттого что Коля сидит в тюрьме или едет куда-то под громыханье колёс — весь мир стал бессмысленным и непонятым.

Поднявшись с трудом на пятый этаж, — Боже, как с каждым днём всё тяжелее подниматься по лестнице! — она позвонила. Ей открыла женщина, Наташина соседка, вытирая мокрые руки о передник.

— Наталью Сергеевну утром в больницу отправили, — шумным шёпотом сказала женщина. — Отравилась. Вероналом. В Мечниковскую.

Ольга Петровна попятилась от неё. Женщина захлопнула дверь.

17-й номер трамвая долго не шёл. Прошли уже две девятки и два 22-х, а 17-го всё не было... Но вот он показался, подошёл и снова пополз медленно, еле-еле, задерживаясь у каждого светофора. Ольга Петровна стояла. Были заняты даже все места для пассажиров с детьми, и

когда вошла девятая женщина с младенцем — никто не пожелал уступить ей место.

— Скоро весь вагон займут! — кричала старуха с клюкой. — Ездют взад-вперёд. Мы, небось, детишек на руках таскали. Подержите, не помрёте.

У Ольги Петровны тряслись колени — от испуга, от жары, от злого крика старухи. Наконец она вышла. Она почему-то не сомневалась, что Наташа уже умерла.

Больница сверкнула ей навстречу всеми своими вымытыми стёклами. Она прошла в прохладный вестибюль.

Возле справочного окошечка стояла очередь — три человека. Ольга Петровна не решилась подойти без очереди. Справки выдавала красивая сестра в крахмальном белом халате. Возле неё, перед телефоном, в стакане стоял букет колокольчиков.

— Аллё, аллё! — закричала она в телефон, выслушав вопрос Ольги Петровны. — Второе терапевтическое? — и потом, положив трубку: — Фроленко, Наталья Сергеевна, скончалась сегодня в четыре часа дня, не приходя в сознание. Вы родственница? Можете получить пропуск в покойницкую.

Восемнадцатого вечером, надев осеннее пальто, и пла-ток под пальто, и калоши, Ольга Петровна заняла очередь на набережной. В первый раз предстояло ей продежурить всю ночь бессменно: кто теперь мог сменить её? Не было больше ни Наташи, ни Алика.

Ольга Петровна одна проводила Наташин сосновый гроб через весь город на кладбище. В тот день долго шёл дождь, и большое колесо колымаги плескало ей грязью в лицо.

Наташа лежала в могиле, в жёлтой земле, недалеко от Фёдора Ивановича. А где были Алик и Коля? Этого понять невозможно.

Она стояла на набережной всю ночь напролёт, прислонившись к холодному парапету. От Невы поднимался мокрый холод. Тут впервые в жизни Ольга Петровна увидела восход солнца. Оно встало откуда-то из-за Охты, и по реке сразу побежали мелкие волны, будто её погладили против шерсти.

К утру у Ольги Петровны от усталости онемели ноги, она совсем не чувствовала их, и когда в девять часов толпа кинулась к дверям тюрьмы — Ольга Петровна не в силах была бежать: ноги стали тяжёлые, казалось, надо взяться за них руками, чтобы приподнять и сдвинуть с места.

На этот раз номер у неё был 53-й. Через два часа она протянула в окошечко деньги и назвала фамилию. Тучный, сонный человек поглядел в какую-то карточку и, вместо обычного «ему не разрешено», ответил «выслан». После разговора с Цветковым Ольга Петровна была вполне подготовлена к такому ответу, и всё-таки ответ оглушил её.

— Куда? — без памяти спросила она.

— Он напишет вам сам... Следующий!

Она пошла домой пешком, потому что стоять и ждать трамвая было ей труднее, чем идти. Пыль пахла жарой, она расстегнула тяжёлое пальто и развязала платок. Казалось, прохожие разучились ходить: они наталкивались на неё то спереди, то сбоку.

Коля напишет ей. Она снова получит письмо, как получала когда-то из Свердловска.

Все последующие дни, не завтракая, не убирая за собой постели, Ольга Петровна с утра уходила искать работу. В газетах было много объявлений: «Требуется машинистка». Ноги сделались у неё как тумбы, но она покорно ходила целый день по всем адресам.

Всюду задавали ей один и тот же вопрос:

— У вас есть репрессированные?

В первый раз она не поняла.

— Арестованные родственники, — объяснили ей.

Солгать она побоялась.

— Сын, — сказала она.

Тогда выяснялось, что в учреждении нет утверждённой штатной единицы.

И нигде её не было для Ольги Петровны.

Теперь она боялась всего и всех. Она боялась дворника, который смотрел на неё равнодушно и всё-таки суровым взглядом. Она боялась управдома, который перестал с ней раскланиваться (она больше не была квартуполномоченной — вместо неё выбрали жену бухгалтера). Она как огня боялась жены бухгалтера. Она боялась Вали. Она боялась проходить мимо издательства. Возвращаясь домой после бесплодных попыток найти себе службу, она боялась, не ждёт ли уже её там повестка из милиции? Не вызывают ли уже её в милицию, чтобы отнять паспорт и отправить в ссылку? Она боялась каждого звонка: не с конфискацией ли имущества пришли к ней?

Она побоялась передать Алику деньги. Когда вечером, накануне 30-го, она приплелась в очередь — к ней подошла Кипарисова. Кипарисова навевалась в очередь не только в свой день, но чуть ли не каждый день, чтобы узнать у женщин: нет ли чего новенького? кого уже выслали, а кто ещё здесь? не переменялось ли вдруг расписание?

— Напрасно вы это делаете, вполне напрасно! — зашептала Кипарисова на ухо Ольге Петровне, когда та рассказала ей, зачем пришла. — Дело вашего сына свяжут с делом его приятеля — и получится нехорошо: 58-я статья, параграф 11-й — контрреволюционная организация... Зачем вам это нужно, не понимаю!

— Но ведь там не спрашивают, кто передаёт деньги, — робко возразила Ольга Петровна. — Спрашивают только кому.

Кипарисова взяла её за руку и отвела подальше от людей.

— Им незачем спрашивать, — произнесла она шёпотом. — Они всё знают.

Глаза у неё были огромные, чёрные, бессонные.

Ольга Петровна вернулась домой.

На следующий день она не встала с постели. Ей больше незачем было вставать. Не хотелось одеваться, натягивать чулки, спускать ноги с кровати. Беспорядок в комнате, пыль не раздражали её. Пусть!

Голода она не чувствовала. Она лежала в кровати, ни о чём не думая, ничего не читая. Романы давно уже не занимали её: она не могла ни на секунду оторваться от своей жизни и сосредоточиться на чьей-то чужой. Газеты внушали ей смутный ужас: все слова в них были такие же, как в том номере стенной газеты «Наш путь»...

Изредка она откидывала одеяло и простыню и смотрела на свои ноги: огромные, отёкшие, как водой налитые.

Когда со стены ушёл свет и начался вечер, она вспомнила про Наташино письмо. Оно всегда лежало у неё под подушкой. Ольге Петровне захотелось снова перечитать его и, приподнявшись на локте, она вынула его из конверта:

«Дорогая Ольга Петровна! — писала на прощанье Наташа. — Не плачьте обо мне, всё равно я никому не

нужна. Мне так лучше. Быть может, всё наладится ещё правильно, и Коля будет дома, но я не в силах ждать, пока наладится. Я не могу разобраться в настоящем моменте советской власти. А Вы живите, моя дорогая, настанет время, когда можно будет посылать ему посылки, и Вы ему будете нужны. Пошлите ему крабов, консервы, он их любил. Крепко Вас целую и благодарю за всё и за Ваши слова на собрании. Я жалею Вас, что Вы из-за меня потерпели. Пусть моя скатёрка лежит у Вас и напоминает Вам про меня. Как мы с Вами в кино ходили — помните? Когда Коля вернётся, положите её к нему на столик, на ней цвета весёлые подобраны. Скажите ему, что я никогда про него худому не верила».

Ольга Петровна снова положила письмо под подушку...

«А не разорвать ли его? Она тут пишет про настоящий момент советской власти. Что если письмо найдут? Тогда Колино дело свяжут с Наташиным делом... А быть может, оставить? Ведь Наташа уже умерла...»

Прошло три месяца, потом ещё три, и наступила зима, январь — годовщина Колиного ареста. Через несколько месяцев будет годовщина ареста Алика и сразу за нею — годовщина Наташиной смерти.

В день Наташиной смерти Ольга Петровна побывает у неё на могиле. А в годовщину Колиного ареста некуда ей поехать. Неизвестно, где он.

Письма от Коли не было. Ольга Петровна по пять, по десять раз в день заглядывала в почтовый ящик. В ящике иногда лежали газеты для жены бухгалтера или открытки для Вали — от её многочисленных кавалеров, — но письма для Ольги Петровны всё не было.

Второй год она уже не знала, где он и что с ним. Не умер ли? Могло ли ей когда-нибудь прийти на ум, что настанет время, когда она не будет знать: умер Коля или жив?

Она уже снова служила. От голодной смерти спасла её только статья Кольцова в «Правде». Через несколько дней

после этой статьи — замечательной статьи о клеветниках и перестраховщиках, понапрасну обижающих честных советских людей, — Ольгу Петровну приняли на службу в одну библиотеку: не в штат, правда, а вне штата, но всё-таки приняли. Она должна была особым библиотечным почерком писать карточки для каталога: четыре часа в день, сто двадцать рублей в месяц.

На своей новой службе Ольга Петровна не только ни с кем не разговаривала, но даже не здоровалась и не прощалась. Сгорбившись над заваленным книгами столом, в очках, с седыми стриженными волосами, падающими на очки, она высиживала на стуле свои четыре часа, потом поднималась, складывала карточки стопочкой, брала палку с резиновым кончиком, стоящую всегда возле её стула, запирала карточки в шкаф и медленно, ни на кого не глядя, выходила.

Целая колонна крабовых консервов возвышалась уже на подоконнике в комнате Ольги Петровны, под ногами скрипела крупа, и всё-таки ежедневно после службы она отправлялась по универсамам закупать продукты ещё и ещё. Она покупала консервы, топленое масло, сушёные яблоки, свиное сало — всего этого было в магазинах вдоволь, но ведь когда Коля пришлёт письмо, то и другое может как раз исчезнуть.

А иногда рано утром, до службы ещё, Ольга Петровна брела на Обводный, на барахолку. Жестоко торгуясь, купила она там шапку с ушами, шерстяные носки.

По вечерам, сидя в своей неряшливой, нетопленной комнате, она шивала из старых тряпок мешки и мешочки. Они понадобятся, когда нужно будет уложить посылку.

Из-под кровати торчали фанерные ящики разных размеров.

Она теперь почти ничего не ела — только чай пила с хлебом. Есть не хотелось, да и денег не было. Продукты для посылок стоили дорого. Из экономии она топила у себя не чаще раза в неделю. И потому дома всегда сидела в старом летнем пальто и в напульсниках. Когда ей делалось очень уж холодно, она забиралась в кровать. В холодной комнате убирать было незачем — всё равно холодно и неуютно, — и Ольга Петровна не подметала больше пол, а пыль смахивала только с Колиных книг, с радио и с шестерёнки.

Лёжа в кровати, она обдумывала очередное письмо к товарищу Сталину. С тех пор как Колю увезли, писем товарищу Сталину она уже написала три. В первом она просила пересмотреть Колино дело и выпустить его на свободу, потому что он ни в чём не виноват. Во втором просила сообщить, где он, чтобы она могла поехать к нему и увидеть его ещё один раз перед смертью. В третьем умоляла сказать ей только одно: жив он или умер? Но ответа не было... Первое письмо она просто опустила в ящик, второе сдала заказным, а третье с обратной распиской. Обратная расписка вернулась к ней через несколько дней. В графе «Расписка получателя» стояло что-то непонятное, с маленькой буквы: *ерян*.

Кто такой этот «*ерян*»? И передал ли он её письмо товарищу Сталину? Ведь на конверте было написано: «*В собственные руки. Личное*».

Регулярно раз в три месяца Ольга Петровна заходила в какую-нибудь юридическую консультацию. С защитни-

ками беседовать приятно, они учтивые, не чета прокурорам. Там тоже очередь, но пустяковая, не больше чем на какой-нибудь час. Ольга Петровна терпеливо ждала, сидя на стуле в коридорчике и опираясь обеими руками и подбородком на свою палку. Но ждала она зря. К какому бы защитнику она ни обращалась, каждый вежливо объяснял ей, что помочь её сыну ничем, к сожалению, невозможно. Вот если бы дело его было передано в суд...

Однажды — это было ровно год и один месяц и одиннадцать дней после ареста Коли — в комнату Ольги Петровны зашла Кипарисова. Вошла она не постучавшись и, тяжело задышавшись, опустилась на стул. Ольга Петровна взглянула на неё с удивлением: Кипарисова опасалась, как бы дело Бориса Игнатьевича не связали с Колиным делом, и поэтому никогда не заходила к Ольге Петровне. И вдруг пришла, села и сидит.

— Выпускают, — хрипло сказала Кипарисова, — людей выпускают. Сейчас в очереди сама своими глазами видела: один из выпущенных пришёл за документами. Не худой, только лицо очень белое. Мы его все обступили, спрашиваем: «Ну как у вас там было?» — «Ничего», — говорит.

Кипарисова смотрела на Ольгу Петровну. Ольга Петровна смотрела на Кипарисову.

— Ну, я пойду. — Кипарисова поднялась. — У меня очередь в прокуратуре занята. Не провожайте, пожалуйста, чтобы нас в коридоре никто вместе не видел.

Выпускают. Некоторых людей выпускают. Они выходят на улицу из железных ворот и возвращаются домой.

Теперь и Колю могут выпустить. Раздастся звонок — и войдёт Коля. Или нет — раздастся звонок, и войдёт почтальон: телеграмма от Коли. Ведь Коля не здесь, он далеко. Он пошлёт телеграмму с пути.

Ольга Петровна вышла на лестницу и отворила дверцу почтового ящика. Пусто. Пусто в его нутре. Ольга Петровна с минуту смотрела на его жёлтую стенку — как бы надеясь, что взгляд её вызовет из этой стенки письмо.

Не успела она вернуться к себе и вдеть нитку в иглу (она шила очередной мешок), как дверь её комнаты опять отворилась без стука и на пороге показалась медсестра и за ней управдом.

Ольга Петровна встала, загораживая спиною продукты.

Ни медсестра, ни управдом не поздоровались с Ольгой Петровной.

— Вот видите! — сразу заговорила медсестра, указывая на керосинку и примус. — Обратите ваше внимание: целую кухню здесь устроила. Копоть, гадость, весь потолок закоптила. Разрушает домовое хозяйство. На кухне, с другими не желает, видите ли, стряпать — гнушается с тех пор, как мы уличили её в систематических покражах керосина. Сын в лагере, разоблачён как враг, сама без определённых занятий, вообще — подозрительный элемент.

— Вы, гражданка Липатова, — сказал управдом, обращившись к Ольге Петровне, — вынесите немедленно принадлежности на кухню. А не то в милицию заявлю...

Они ушли.

Ольга Петровна перенесла примус, керосинку и кас-

трюли в кухню, на прежнее место, потом легла на кровать и громко зарыдала.

— Я не могу больше терпеть, — говорила она вслух, — я не могу больше терпеть. — И снова высоким голосом, не сдерживая себя, по слогам: — Я не мо-гу, не мо-гу боль-ше тер-петь...

Она произносила эти слова так убедительно, так настойчиво, будто перед нею стоял кто-то, кто утверждал, что, напротив, у неё ещё вполне хватит сил потерпеть.

— Нет, не могу, невозможно больше терпеть!

К ней вошла жена милиционера.

— Вы не плачьте... — зашептала она, укутывая Ольгу Петровну в одеяло, — вы послушайте, что я вам скажу! Они не по закону поступают. Муж говорит: раз не выслали вас — значит, никто права не имеет притеснять. Да вы не плачьте! Муж говорит, многих сейчас выпускают — Бог даст, и Николай Фёдорович скоро вернётся... Ейная дочка выходит замуж — вот мамаша и нацелилась на вашу комнату. А вы не выезжайте, и всё. Мамаша для дочки нацелилась, а управдом для любовницы для своей. Вот они и передерутся... Да не плачьте же вы! Я верно вам говорю.

Зимою, сквозь двойные рамы, уличные звуки по ночам почти не проникали в комнату. Зато квартирные шорохи и скрипы слышны были Ольге Петровне всю ночь. Настойчиво скреблись мыши — как бы они не подобрались к салу, купленному для Коли! В коридоре скрипели половицы и, когда мимо проезжал грузовик, вздрагивали входные двери. В комнате бухгалтера каждые пятнадцать минут важно били часы.

Коля скоро вернётся. В эту ночь Ольга Петровна не сомневалась больше, что Коля скоро вернётся. Кипарисова говорит и милиционер Дорошко... Он должен вернуться, потому что, если он не вернётся, она умрёт. Раз невиновных начали выпускать, значит, и Колю скоро выпустят. Не может же быть, чтобы других выпустили, а его нет. Коля вернётся — и как тогда будет стыдно медицинской сестре! И управдому. И Вале. Они глаз на него не посмеют поднять. Коля не станет даже и здоро-

ваться с ними. Пройдёт мимо, как мимо стены. Когда он вернётся, ему сразу дадут какую-нибудь ответственную службу — и даже орден! — чтобы поскорее загладить свою вину перед ним. На груди у него будет орден, а с медицинской сестрой и с Валей он не станет здороваться...

Под утро Ольга Петровна уснула и проснулась поздно, только в десять часов.

Проснувшись, она вспомнила: что-то вчера было хорошее, что-то она узнала хорошее про Колю. Ах, да, людей стали выпускать из тюрьмы. И раз начали выпускать, значит, скоро и Коля вернётся. И Алик. Всё будет хорошо, всё по-прежнему. Ольга Петровна поймала себя на быстрой мысли: значит, и Наташа вернётся.

Нет, Наташа не вернётся...

Но Коля — Коля уже едет домой, вагон его, может быть, уже подъезжает к вокзалу.

Возвращаясь в этот день из библиотеки, Ольга Петровна остановилась перед витриной комиссионного магазина и долго перед ней простояла. В витрине был поставлен фотографический аппарат «лейка». Коля всегда мечтал о фотографическом аппарате. Хорошо бы продать что-нибудь и купить Коле ко дню его возвращения «лейку». Фотографировать Коля научится быстро — ведь он такой умелый, такой сообразительный.

Весь день Ольга Петровна была в приподнятом, радостном состоянии духа. Ей даже есть захотелось — впервые за много дней. Она уселась на кухне чистить картошку. Если приобрести для Коли фотографический аппарат — то вот затруднение: где он будет проявлять снимки? Необ-

ходима абсолютно тёмная комната. Ну, конечно, в чулане. Там дрова, но можно очистить место. Можно потихоньку часть своих дров унести в комнату и попросить жену милиционера, чтоб и она взяла вязанку к себе, — она не откажет, — вот и очистится место. Коля всех будет фотографировать: и Ольгу Петровну, и милиционера Дорошко с женой, и их близнецов, и знакомых барышень — только Валю с её матерью снимать ни за что не будет. У него составитя целый альбом фотографий, но ни Вале, ни её матери в этот альбом не попасть.

— У вас ещё много дров в чулане? — спросила Ольга Петровна жену милиционера, когда та вошла в кухню за веником.

— Вязанки этак три, — отозвалась жена милиционера.

— Вы любите сниматься? Я очень любила в молодости, у хорошего фотографа, конечно... Знаете что? Колю выпустили.

— Да ну! — вскрикнула жена милиционера и выронила веник. — Ну вот, а вы убивались! — Она расцеловала Ольгу Петровну в обе щеки. — Письмо прислал или телеграмму?

— Письмо. Только что получила... Заказное.

— А я и не слыхала, как почтальон приходил. С этими примусами совсем оглохнешь.

Ольга Петровна ушла к себе в комнату и села на диван. Ей надо было посидеть в тишине, отдохнуть от своих слов, понять их. «Колю выпустили. Выпустили Колю...» Из зеркала смотрела на неё сморщенная старуха, с иззелена-серыми, седыми волосами. Узнает ли её Коля, когда вернётся? Она вглядывалась вглубь зеркала до тех пор,

пока всё не поплыло перед нею и она перестала понимать — где настоящий диван, а где отражение?

— Знаете, моего сына выпустили. Из тюрьмы, — сказала она в библиотеке сотруднице, писавшей карточки за одним столом с ней. Та до сих пор не слышала от Ольги Петровны ни единого слова, а Ольга Петровна не знала даже как её зовут. Но ей необходимо было повторять своё заклинание.

— Вот как! — ответила сотрудница.

Это была неряшливая, толстая женщина, вся осыпанная волосами и пеплом от папирос.

— Ваш сын, вероятно, ни в чём не был виноват — вот его и выпустили. У нас не станут держать человека зря... И долго сидел ваш сын?

— Год и два месяца.

— Что ж, разобрались и выпустили, — сказала толстая женщина, отложила папиросу и принялась писать.

Вечером, столкнувшись с Ольгой Петровной в коридоре, милиционер Дорошко поздравил её.

— С вас магарыч, — сказал он, пожимая ей руку и широко улыбаясь. — А когда же Николай Фёдорович к мамаше пожалует?

— А вот проработает месяц-другой на заводе, потом поедет в Крым отдыхать, — он так нуждается в отдыхе! — а потом и ко мне. Или, может быть, я к нему съезжу, — ответила Ольга Петровна, сама удивляясь лёгкости, с какой она говорит.

Она была радостно возбуждена, и даже ноги носили её быстрее. Ей хотелось каждую минуту говорить кому-

нибудь: «Колю выпустили. Знаете? Выпустили Колю!» Но некому было говорить.

Вечером она вышла в магазин за хлебом и сразу встретила любезного бухгалтера из издательства. Ещё день тому назад, увидев его, она перешла бы на другую сторону, потому что всё, что напоминало ей службу в издательстве, причиняло ей боль. Но теперь она ещё издали заулыбалась ему.

Он галантно поклонился и сразу спросил:

— Слыхали наши новости? Тимофеев арестован.

— Как? — смутилась Ольга Петровна. — Ведь он же... ведь он же всех и разоблачил... вредителей...

Бухгалтер пожал плечами.

— А теперь его кто-то разоблачил...

— У меня, знаете, радость, — поспешно сообщила Ольга Петровна. — Сына выпустили.

— Вот как? Примите мои поздравления. А я и не знал, что сын ваш был арестован.

— Да, был, а вот теперь его выпустили, — весело сказала Ольга Петровна и простилась с бухгалтером.

Возвращаясь домой, она машинально взглянула в почтовый ящик. Пусто. Нет письма. У неё сжалось сердце, как всегда сжималось возле пустого ящика. Ни строчки за целый год. Неужели потихоньку ни с кем невозможно переслать письма? Год и два месяца нет от него вестей. Не умер ли он? Жив ли он?

Она легла в кровать и почувствовала, что ни за что не заснёт. Тогда она приняла люминал, двойную порцию. И заснула.

— Сегодня я получила ещё письмо, — рассказывала на кухне Ольга Петровна на следующее утро. — Представьте, моего сына директор завода назначил своим помощником. Правой рукой. Местком приобрёл для него путёвку в Крым — роскошная там природа, я бывала в молодости. А когда он вернётся, он женится. На одной девушке, комсомолке. Её зовут Людмила — правда, красивое имя? Я буду звать её Милочка. Она ждала его целый год, хотя имела много других предложений. Она никогда не верила про Колю худому. — Ольга Петровна победоносно взглянула на медсестру, стоявшую возле своего примуса. — И теперь он на ней женится — сразу, чуть вернётся из Крыма.

— Внучат, значит, нянчить будете, — расплылась в улыбку жена милиционера.

Медсестра даже бровью не повела. Но через минуту,

когда Ольга Петровна, сходя к себе за солью, снова вошла в кухню, она сказала ей «Здравствуйте», будто видела её сегодня впервые. Первое «здравствуйте» за целый год.

У Ольги Петровны был выходной день, и она решила прибрать свою комнату. Если Коля ещё и не на свободе, то ведь его должны освободить с минуты на минуту. Он приедет, а в комнате такой разгром.

Взглянув на себя мельком в зеркало, Ольга Петровна решила, что ей необходимо снова начать завиваться. А то седые патлы висят.

Она вытащила из-под кровати ящики и растопила ими печь. Фанера горела отлично, с весёлым треском. Ольга Петровна раздумывала: куда бы засунуть консервы, чтобы они не валялись на подоконнике? И к чему столько банок? Когда понадобятся, всегда можно в магазине купить.

Она решила вымыть окна и пол. Ноги у неё болели, как всегда, и поясницу ломило, но что же делать, надо потерпеть. Она разорвала мешки на тряпки.

Пока греется вода, надо вытряхнуть коврик. Ольга Петровна вытащила коврик на площадку. В скважинах почтового ящика что-то виднелось. Ольга Петровна, тяжело ступая, пошла за ключом.

В ящике лежало письмо. Конверт был розовый, шершавый. «*Ольге Петровне Липатовой*», прочла она. Её имя было написано незнакомым почерком. И ни адреса, ни почтового штемпеля — ничего.

Забыв коврик на площадке, Ольга Петровна кинулась к себе. Села у окна и вскрыла конверт. От кого бы это?

«Милая мамочка! — написано было в письме Колиной рукой, и Ольга Петровна сразу опустила листок на колени, ослеплённая этим почерком. — Милая мамочка! Я жив, и вот добрый человек взялся доставить тебе письмо. Как-то ты поживаешь, где Алик, где Наталья Сергеевна? Всё время думаю я о вас, мои дорогие. Страшно мне думать, что ты, может быть, живёшь сейчас не дома, а где-нибудь в другом месте. Мамочка, на тебя вся моя надежда. Мой приговор основан на показаниях Пашки Гусева — помнишь, такой мальчик был у меня в классе? Пашка Гусев показал, что он вовлёк меня в террористическую организацию. И я тоже должен был сознаться. Но это неправда, никакой организации у нас не было. Мамочка, следователь Руднев бил меня и топтал ногами, и теперь я на одно ухо плохо слышу. Я писал отсюда много заявлений, но все без ответа. Напиши ты от своего имени старой матери и в письме изложи факты. Тебе ведь известно, что я Пашку Гусева со времени окончания школы даже ни разу не видел, так как он учился в другом вузе. И в школе я с ним никогда не дружил. Его, наверное, тоже сильно били. Целую тебя крепко. Привет Алику и Наталье Сергеевне. Мамочка, делай скорей, потому что здесь недолго можно прожить. Целую тебя крепко.

Твой сын Коля».

Накинув пальто, нахлобучив шапку, с грязной тряпкой в руках, Ольга Петровна побежала к Кипарисовой. Она боялась, что забыла номер квартиры Кипарисовой и не найдёт её. Письмо она сжимала в кармане. Она не взяла с собой палку и бежала, хватаясь за стены. Ноги подво-

дили её: как ни торопилась она, до Кипарисовой всё ещё было далеко.

Наконец она вошла в парадную и из последних сил поднялась на третий этаж. Здесь, кажется. Да, здесь. «Кипарисова Н.В. — 1 звонок».

Ей открыла какая-то девочка и сейчас же убежала. Пробравшись по тёмному коридору мимо шкафов, Ольга Петровна наобум отворила дверь и вошла.

Кипарисова, в пальто и с палкой в руках, сидела посреди комнаты на сундуке. В комнате было совершенно пусто. Ни стула, ни стола, ни кровати, ни занавесок, — один телефон возле окна на полу. Ольга Петровна опустилась на сундук рядом со старухой.

— Меня высылают, — сказала Кипарисова, не удивляясь появлению Ольги Петровны и не здороваясь с нею. — Завтра утром еду. Всё продала до нитки и завтра еду. Мужа уже выслали. На пятнадцать лет. Видите, я уже уложилась. Кровати нет, спать не на чем, просижу ночь на сундуке.

Ольга Петровна протянула ей Колино письмо.

Кипарисова читала долго. Потом сложила письмо и засунула его в карман пальто Ольги Петровны.

— Пойдёмте в ванную, тут телефон, — шёпотом сказала она. — При телефоне нельзя ни о чём разговаривать. Они вставили в телефон такую особую пластинку, и теперь ни о чём нельзя разговаривать — каждое слово на станции слышно.

Кипарисова провела Ольгу Петровну в ванную, накинула на дверь крючок и села на край ванны. Ольга Петровна села рядом с ней.

— Вы уже написали заявление?

— Нет.

— И не пишите! — зашептала Кипарисова, приближая к лицу Ольги Петровны свои огромные глаза, обведённые жёлтым. — Не пишите, ради вашего сына. За такое заявление по головке не погладят. Ни вас, ни его. Да разве можно писать, что следователь бил? Такого даже думать нельзя, а не только писать. Вас забыли выслать, а если вы напишете заявление — вспомнят. И сына тоже упекут подальше... А через кого прислано это письмо? А свидетели где?.. А как доказать?.. — Она безумными глазами обвела ванную. — Нет уж, ради Бога, ничего не пишите.

Ольга Петровна высвободила руку, открыла дверь и ушла.

Она торопливо, но через силу брела домой. Нужно было закрыться на ключ, сесть и обдумать. Пойти к прокурору Цветкову? Нет. К защитнику? Нет.

Вынув из кармана письмо и кинув его на стол, она разделась и села у окна. Темнело, и в светлой темноте за окном уже загорались огни. Весна идёт, как уже поздно темнеет.

Надо решить, надо обдумать — но Ольга Петровна сидела у окна и не думала ни о чём.

«Мамочка, следователь Руднев бил меня...»

Коля по-прежнему пишет «д» с петлей наверху. Он всегда писал так, хотя, когда он был маленький, Ольга Петровна учила его выписывать петлю непременно вниз. Она сама учила его писать. По косой линейке.

ОПУСТЕЛЫЙ ДОМ

Стемнело совсем. Ольга Петровна встала, чтобы зажечь свет, но никак не могла отыскать выключатель.

Где в этой комнате выключатель? Она шарила по стенам, натываясь на сдвинутую для уборки мебель.

Нашла. И сразу увидела письмо. Измятое и скомканное, оно корчилось на столе.

Ольга Петровна вытащила из ящика спички. Чиркнула спичкой и подожгла письмо с угла.

Письмо горело, медленно подворачивая угол, свёртываясь трубочкой.

Оно свернулось совсем и обожгло ей пальцы.

Ольга Петровна бросила огонь на пол и растоптала ногой.

19 ноября 1939 г. — февраль 1940 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Просим читателей этой книги
посылать свои отзывы о ней
по адресу:*

LIBRAIRIE DES CINQ CONTINENTS
18, rue de Lille, Paris (7e) - France.

IMPRIMERIE F. PAILLART
ABBEVILLE

N° d'impr. : 9677

Dépôt légal : 4° trimestre 1965.

Imprimé en France.